

Сергей Христофоров

Бизнес начинается, товарищи!

Книга первая. Год 1992.

Сергей Христофоров

Бизнес начинается, товарищи!
Книга первая. Год 1992

«Издательские решения»

Христофоров С.

Бизнес начинается, товарищи! Книга первая. Год 1992 /
С. Христофоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905170-7

О первых шагах новоявленных коммерсантов — в бизнесе оказавшихся случайно, в основном от безысходности. 1992-й год. Самый трудный из десятилетия «лихих девяностых». Нужно начинать все с нуля, и каждый из героев сталкивается с тем, что он не совсем готов к этому. Впрочем, врожденное чувство юмора истинного советского человека, равно как и неожиданная помощь со стороны не сильно понятно, кого — помогают справиться с трудностями и даже где-то подняться над обстоятельствами.

ISBN 978-5-44-905170-7

© Христофоров С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть первая.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Бизнес начинается, товарищи!

Книга первая. Год 1992

Сергей Христофоров

© Сергей Христофоров, 2018

ISBN 978-5-4490-5170-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Коммунизм нам обещали к 80-му году, а капитализм – бац, и построили за неделю.

Нет, честно, еще в середине 80-х я бы скорее поверил, что коммунизм все-таки построят. Когда-нибудь... Но чтоб вернули капитализм... это было что-то из области фантастики.

Глядя на «лихие девяностые» из сегодняшнего 2017 года, я удивляюсь больше всего необыкновенной способности нашего человека ПЕРЕСТРАИВАТЬСЯ.

Мы показали способность меняться. Меняться в корне!

Удивительны были эти перемены, если вдуматься!

Простая учительница, из заграницы видевшая только Литву (проездом из Рязани в Калининград по профсоюзной путевке) и Францию (в кино) – садилась в поезд и в компании брутальных мужиков отправлялась в Польшу, вывозя оттуда пуды барахла. Или в Турцию, берег которой нам был якобы не нужен все семьдесят лет советской власти. За кожаными куртками.

Или сокращенный токарь дядя Петя – садился за руль «Жигуля», купленного лет десять назад (по талону на тещу) и ловко подрезал конкурентов возле троллейбусных остановок.

Или некурящий и непьющий юниорский чемпион области по самбо – охотно приступал к охране коммерсантов на блошином рынке. Ладно, хоть – не грабил их по ночам. А зачем грабить, если и так отдавали?

Или кандидат наук – умело подсчитывал на калькуляторе выручку от продажи колбасы на морозе.

Или бывший инженер-металлург – с удовольствием дышал свежим воздухом, кладя печи для бань каких-то неведомых «новых русских».

Или воинский пенсионер – осваивал бухгалтерию.

Или...

Или...

Капитализм показался нам не страшнее атомной войны, тем более что многие успели получить по нему ликбез в вузах: наконец-то мертвый и совершенно ненужный в условиях социалистической реальности «Капитал» вдруг всплыл в памяти. Формула «Деньги-Товар-Деньги» стала не напоминанием о язвах устаревшей модели общества, а формулой для новой России. Кое-кто доставал с полки и перечитывал «Незнайку на Луне» – как учебник по бизнесу. Мавроди – уж точно.

Мы научились открывать счет в банке. Мы узнали, что МНС – это не только «младший научный сотрудник», но и «Министерство налогов и сборов». Зашуганные советские люди, трясущиеся от страха при любой копеечной инвентаризации, теперь спокойно утаивали от государства сотни тысяч налоговых отчислений. Мы собирались в ООО и ЗАО, и АОЗТ.

Мы начинали жить с нуля.

2017

«Конечно, можно обойтись и без квалификации, но тогда придется идти в бизнес...»

А. Ильин. Школа выживания в экономический кризис

Часть первая. Хмурый четверг

ГЛАВА 1.1

Весна пёрла во все щели, но было не до нее.

Сергей Иванович Борщов, отставной сотрудник Института Внеземных Цивилизаций, брел домой не шибко пьяный, но и не сказать, что трезвый. Он уже прошел пешком четыре остановки, однако в троллейбус не сел. Нужно было идти, двигаться, а не стоять зажатым в троллейбусной давке, когда голова разрывается от мрачных мыслей.

Долгие месяцы бессмысленного хождения на работу и томительного ожидания увольнения закончились.

Всё! Уволили. Сократили. Сказали: «Свободен!»

Впрочем, те, кого *пока* оставили, хоть и вздохнули с некоторым облегчением, но в глазах их читалось: мы следующие. Робкие надежды на перемены (точнее, отмену всяких перемен) не оправдались: не отменили. Не рассосалось.

Никто не ожидал, что это произойдет именно сегодня. Как-то так считалось, что уж до лета-то мы дотянем, уйдем в какой-никакой отпуск, а там уж что-нибудь, да придумается. В прошлом году так и было. До середины августа Борщов успешно догуливал отпуск, а там грянул ГКЧП, и затряслись ручонки у всех этих кооператоров и НПО-шников. Борщов и сам «подрабатывал» в одной несолидной конторе, где за каких-нибудь пять-десять процентов прогоняли его же «левые» институтские договоры (жаль только, дураков заключать их становилось все меньше и меньше). И он загрустил в первый день путча: ну вот, теперь всех выскочек поставят к стенке, а он толком и заработать-то ничего не успел.

Но когда Ельцин ГКЧПешников одолел, все отчего-то возрадовались и возликовали. Поверилось: ну, все, теперь коммунистическое иго окончательно сброшено, заживем!

А ни черта не изменилось. В особенности, у них в Институте. Как не было денег на Внеземные Цивилизации, так и не появилось. Кстати, к зиме деньги кончились везде и у всех. Сограждане, годами копившие на светлое будущее (иначе говоря, на черный день), разом сели на задницу. Им объявили, что денег в стране нет. Мало того – их как бы и не было. А ведь кто-то не успевал в свое время пропить всю зарплату и сдуру нес ее остатки в Сберегательный Банк СССР. Кто-то обладал силой воли и складывал деньжата в укромные места (чулок, под матрац, Стекланные Банки). Ни тем, ни другим не повезло. В принципе, деньги не отменили. Просто сказали, что купить на них можно будет раз в десять меньше, чем раньше (это поначалу). Причем, с 1 января. До роковой даты ты мог безуспешно носиться со своими бумажками по пустым магазинам или осаждать родную сберкассу, где денег было велено выдавать не больше ста грамм в одни руки. Рублевыми купюрами.

Знай, раб: все, что ты не успел съесть и выпить, будет отобрано, как бы ты это не прятал. Нет, Хозяева сразу не отбирали, следили даже, чтоб заботился народишко о накоплении богатств. Ну, не богатств, конечно. *Излишков*. Слово-то какое, слышите? «Лишнее». Стало быть, тебе не очень-то и нужно. Зазывали, фарисеи проклятые, хранить деньги в сберегательных кассах...

Обман в квадрате. В кубе. В четвертой степени!

Для логического объяснения ситуации выдали две основные версия.

Первая: страна у нас экономически отсталая, больше, чем на биологическое существование мы заработать не в состоянии, потому-то и «излишки» эти – фикция, бумажный фантом. А всё, что нам годами *терли* про Космос и атомную мощь – пропаганда. Может, и не было никакого Космоса? Там был кто-нибудь из вас? Вот вы лично, летали?

Вторая: все украли и вывезли за границу проклятые *коммуняки*. Об этом даже в газетах писали, в том числе и в «Правде», которую уже никто не читал. Одно было непонятно – чего они сами никуда не уехали? Как ни глянешь на оплывшую физиономию на предвыборных листовках – бывший секретарь, теперь владелец стекольного завода. Может, все-таки не все украли? Может, осталось в стране еще чуть-чуть народного богатства?

Словом, проедать и пропивать надо было вовремя.

Их с Антоновной это не коснулось. Успевали – и проедать и пропивать. За год умудрились накопить только на отпуск. А на что еще? Это даже и не копить называлось, а откладывать. Можно было, конечно, по Черным морям не разъезжать, а строить в отпускные месяцы сад какой-нибудь или, не видя отпуска лет десять, на машину собирать. Сейчас бы как раз и купили машину-то, хе-хе!

Кстати, чуть не попались и они на приманку. Господа в какой-то момент решили, что плоховато народишко копить стал, открыли новые ловушки для дураков – *товарные облигации*. Заплатишь, мол, сейчас каких-нибудь 7 тысяч, и будет тебе через пару лет «Волга», тысяч 5 собираешь – «Москвич», пару тысяч всего наскребешь, получишь видеомэгафон с японской самонаводящейся головкой. От хрена головку получили в результате некоторые товарищи (да многие, многие!). Антоновна, как услышала про такое дело, побежала добывать деньги. На автотранспорт, слава Богу, не *надыбал*а, а для *видика* не дотянула самую малость, хорошо, в тот момент срочно понадобились купить что-то более неотложное, диван кто-то продавал от безысходности, или это после было?.. Словом, не обзавелись они вожделенной облигацией. Борщов, правда, и сам иногда наблюдал себя мысленно в будущем – в махровом халате, после трудового дня, с бутылочкой пива – за просмотром какого-нибудь триллера. Он триллеры уважал... Правда, пока заочно. Дочь ходила в видеосалон, рассказывала. И про «Пятницу-13» и про «Вой». «Вой» – это тебе не «Вий» из-за которого он в детстве под одеялом прятался.

В общем, его сегодня уволили.

Видимо, в Министерстве терпение лопнуло. Самим не хватает, а тут еще корми этих. Да, может, их и нет вовсе, Внеземных цивилизаций-то? А если и есть, то до них ли сейчас? Авось, никуда не денутся, подождут, пока в стране все наладится. Пока их и американцы могут поискать, да хоть и китайцы. Звезд-то вон сколько на небе, всем хватит.

Помозговали рабовладельцы с КЗОТами, и – дали ненужным рабам вольную.

Сергей Иванович остановился у пивного ларька. Хоть это Ельцин сделал. Вернулись ларьки, вернулось пиво...

Борщов толком не знал, есть ли дома деньги. По давно заведенному обычаю, финансами заведовала Антоновна. Но он подозревал: если и есть, то мало. Впрочем, сегодня сам Бог велел. Сергей Иванович купил литровую баночку сомнительного напитка и присел на случившийся рядом камушек.

И явилось ему видение.

Нью-Йорк (а, может, Сан-Франциско), сверкающие витрины кругом, а он сам на шикарной иномарке (да и откуда в Нью-Йорке взяться *не* иномарке?) подъезжает к некоему

стеклянному фронтому, где золотом на темной мраморной табличке блестит: "S.I.Borgshov. International Incorporated Ltd.» И негр толстый в ливрее дверцу его машины в поклоне открывает. А на заднем сиденье лопочет что-то на английском (или каком другом?) до тошноты красивая девка. Он смотрит на нее в зеркало заднего вида, а потом, чуть сместившись, видит себя – чуть поседевшего, с морщинками у глаз, аккуратно постриженного, с седенькой такой бородкой. Сам себе улыбается и вздрагивает: зубы-то как у лошади, без единой прорехи.

«Ну, что тебе надо?!» – восклицает вдруг его отражение. Или это что-то на английском?

«Да, ничего мне не надо, ...лядь!» – слетает в ответ с сахарных уст молодой дамы.

«Ну и иди тогда!» – кричит он.

Негр испуганно таращит глаза, а из-за его спины уже озабоченно выглядывают какие-то люди, вроде охранники.

Девка выскакивает из машины.

«Отец еще называется!» – такое бросает она ему напоследок и скрывается из поля зрения.

От слов девушки реальный Борщов вздрагивает и обнаруживает себя сидящим на камушке возле пивного ларька.

«Вот тебе раз!» – огорченно подумал Сергей Иванович. – «Еще галлюцинаций не хватало». Задремал он, что ли? И сон-то какой причудливый...

Огляделся. Рядом с ларьком лениво переругивались два «синяка», один из которых был по половому признаку женщиной. Они тоже пили пиво – из таких же взятых напрокат баночек. Осознав сей факт, Борщов поспешно отставил свою ополовиненную емкость и брезгливо сплюнув, утерся. Тоскливо поглядев на бомжей, он прикинул, может ли его ожидать вот такое будущее.

Кряхтя, Борщов встал, снова подошел к окошечку ларька. Краем глаза отметил, что две хищные тени метнулись к его недопитой банке.

В ларьке сидела не та старая тетя Клава из начала восьмидесятых, а некая субтильная очкариха, по всему – девка хозяина. Теперь ведь у каждого ларька свой хозяин. Кооператор. И девка.

– Водочки нет? – как бы в сторону произнес Сергей Иванович.

Очковая кобра наметанным глазом окинула Борщова, и, видимо, не приглянулся он ей. Она равнодушно покачала головой.

Борщов потоптался для порядка, пива брать больше не рискнув, и отступил от окошка, раздумывая. До ближайшего магазина топать было в другую сторону два квартала.

– Мужик, че, водки надо? – обдало его перегаром сбоку. Это был один из тех двух. Фиолетовая морда так и прыгала перед глазами Борщова. Трясло родимого, никакое пиво не помогало... Был он сильно похож на тень.

– Нет! – отрезал Борщов и энергично замотал головой, пытаясь обойти бомжа.

– Че, Рамиль, ему водки надо? – сипло вступила в беседу спутница человека-тени. – Мужчина, не сомневайтесь, мы вам в лучшем виде все устроим.

Мало того, «дама» уже вцепилась ему в рукав. Борщов конвульсивно отдернул руку и почти бегом покинул сопредельную с пивточкой территорию. Вослед ему понеслись сначала увещевания, а потом и насмешки.

И тут его прорвало.

Развернувшись, твердым шагом Борщов двинулся к киоску. Люди-тени попятились, чуть ли не приняв бойцовскую стойку.

Он решительно постучал в закрытое уже окошко.

– Девушка, ну очень надо! – строго, но и несколько (так получилось) истерично воскликнул он. – Я знаю, у вас есть. Уверяю, что я не из милиции.

Железное окошко отворилось, девица окинула Борщова презрительным взглядом. Разве что в лицо не плюнула.

– Но ведь для *них* у вас есть! – Сергей Иванович указал на бомжей. – Они мне сами сказали.

Продавщица метнулась куда-то внутрь киоска, за ширмочку. Он перевел дух: сейчас продаст. Но тут с задней стороны ларька раздался лязг отодвигающегося засова, скрип открывающейся двери, и, не прошло и пяти секунд, как рядом с Сергеем Ивановичем образовался новый персонаж: изрядных размеров амбал в неременной на подобных типах униформе – кожаном полуперденчике на голое пузо.

– Тебе чего надо? – амбал придвинулся к Борщову так близко, что тот невольно отклонился назад. Ткни пальцем, упадет.

– Че, Кузьмич, помочь!? – подскочил с другой стороны Синяк и сразу ухватил Борщова за рукав. Хряснули гнилые китайские нитки. – Я ему щас!

– погоди... – слегка осадил бомжа голопущий, – Ты, мужик чего хотел?

Два огнедышащих зверя разинули свои пасти и когтистая лапа третьей зверюги уже легла на его щеку...

«А ты про Нью-Йорк...» – подумалось Борщову, когда, получив по уху, несильным пинком он был отброшен за пределы Территории.

В слезах и ярости Борщов... пошел домой.

Во второй раз его сегодня выкинули из этой – для кого-то вполне налаживающейся – жизни.

***

Катя по обыкновению заперлась в своей комнате и читала, читала, читала. Больше ничего в жизни не оставалось. Сутки проходили с ужасающим однообразием.

Каждое утро ее будил требовательный стук в дверь.

– Катерина, мы пошли на работу, – зычным голосом оповещала мама. Хорошо хоть, не «Екатерина».

– Да, мам, – откликнулась она.

– Хоть бы открыла... – ворчала мама.

«А чего стучать-то!» – хотелось воскликнуть Кате – «Вы своими сборами давно разбудили весь подъезд».

В последнее время домочадцы, кажется, нарочно гремели с утра посудой, фыркали в ванной и шаркали в коридоре прямо за Катиной дверью. Раньше, пока она еще училась в институте, этого не было. Впрочем, тогда она и сама принимала участие в общей утренней суете.

Теперь все изменилось. Она числилась иждивенкой и бездельницей.

Папаня уже в половине седьмого хлопал дверью так, что сыпалась штукатурка. Весь мир должен был знать, что он уходит на работу. Потом начинались вопли и сопли брата, который вечно оказывался к половине восьмого с невыученными уроками, несобраным портфелем и не вычищенными ботинками. Все эти подробности она узнавала из-за двери. Вечером до воспитания у родителей руки, видимо, не доходили. Сашка тоже, стервец, норовил еще и телевизор погромче врубить, пока одевался. Тоже, блин, работник...

– Кто раньше встает, тому Бог подает... – бурчала к месту и не к месту бабуля. Эта тоже спозаранку куда-то постоянно намыливалась. Не сиделось ей дома на пенсии. Вообще, она все чаще намекала, что, видать, придется ей на старости лет выходить на панель. Семечками торговать. Этим выказывала свое презрение зятю (мамы-то побаивалась), а теперь вот уже и внучке. Так что, возможно, по этим торговым делам и шастала. Изучала конъюнктуру. Запаха жареных семечек, правда, в доме пока не ощущалось.

Как-то раньше не замечала Катя всего этого утреннего дурдома.

Часов в восемь квартира затихала. «Хорошо хоть, теперь есть, кому дома покараулить, если я отлучусь», – любила сказать бабуля. То ли с издевкой, то ли по простоте душевной. Ей-то самой куда отлучаться? Да и что караулить?..

Бабуля, надо отдать должное, из дому исчезала тихонько. Вставая, Катя и не знала, ушла ли она, нет.

После утренней чашки кофе Катя «садилась на телефон».

– Аллё, здравствуйте, я по объявлению. Насчет работы... После института... Специальность... искусствовед. К сожалению... Нет, компьютером не владею. Пока. Но могу научиться... Нет, без опыта... Ну, извините.

Если бабуля была дома, один из пяти таких диалогов происходил в действительности, остальные она произносила в молчащую трубку. Чтобы бабушка слышала. Не то чтобы Катя была такой лентяйкой, просто не верилось ей во все эти поиски работы по телефону. Иногда она записывала адреса, куда надо подойти – в основном, чтобы был повод уйти из дома.

Сегодня бабуля отсутствовала, и накручивать диск телефона не имело смысла. На всякий случай Катя перенесла аппарат к себе в комнату и снова завалилась на диван.

От чтения художественной литературы ее уже тошнило. Можно было изучать компьютер. Папая, умный такой, приволок домой книжку по компьютерной грамотности (брошюру копеек за двадцать), – вместо того, чтоб найти деньги на нормальные курсы. Он сказал, видишь ли, что в вузе людям дают не столько знания, сколько умение добывать эти знания самостоятельно. Книжонка эта... Лучшее лекарство от бессонницы. И вообще – как можно по книжке научиться компьютеру, которого Катя практически в глаза не видела? Все равно, что учиться в пустыне плаванию – по самоучителю. «Обучу плаванию заочно» – такое надо поместить объявление.

В институте у них были компьютерные курсы, но разве тогда это кому-то было интересно? Про компьютеры-то не знал никто. А скоро, говорят, введут в обязательную программу. Чуть ли не с этого года.

Нет, на курсы-то, в принципе, родители могли найти денег. Но их коробило, что чадо их с *высшим образованием* будет *снова* учиться (еще и учиться!). А на кого? На какую-то там секретутку или продавщицу. Или бухгалтера; посадят еще... А подумать пять лет назад, что у девчонки вся жизнь будет испорчена при ее нынешней специальности – это куда там!..

С ее специальностью хорошо работать в Лувре или Эрмитаже, а у них в городе один краеведческий музей, да одна картинная галерея. Со штатами в четыре с половиной единицы. А выпускников факультета искусствоведения каждый год – душ пятьдесят. Кто вообще догадался специальность-то такую у нас в городе открыть! Не иначе, пыль в глаза пускали соседним губерниям, а, может, чей-нибудь партийный отпрыск, вышибленный из Москвы за бездарность, но в чине доцента, без работы остался. На их завкафедрой очень похоже.

Особенно ценна ее профессия в нынешние времена, когда нужно учиться ругаться матом и таскать тяжелые сумки с китайским ширпотребом.

Сама она тоже была хороша. В медицинский не хочу – химию ненавижу. Математику терпеть не могу – не пойду в экономисты. Чушь какая, экономист! Эдак и «Капитал» Маркса читать заставят. Музыкальную школу бросила на последнем году. В архитектурный не надо.

Надоело натюрморты рисовать. Да и какая в наши времена архитектура? Торчать всю жизнь с ластиком у кульмана, проектируя пятиэтажки? Хочется такого – воздушного чего-то. С Вечным связанного. Изящного...

Вот и пошла искусство изучать. Конкурс-то еще какой был! Бездельников хватало. Да и не все могли предугадать, что уже через несколько лет такая фигня наступит. Изящные искусства падут под натиском неизящной действительности... С ними-то, искусствами, ладно, а вот людям-то куда деваться? Им ведь кушать надо.

...Щелкнула входная дверь, и в коридоре зашаркали. Бабуся вернулась и, кажется, не одна. Катя прислушалась.

***

С некоторых пор любимым днем недели у Тимофея Орликова стал четверг. Именно по четвергам актовый зал гарнизонного Дома офицеров арендовала Товарно-Сырьевая Биржа. По четвергам здесь проводились *открытые торги*. У входа посетителей встречали суровые люди в черных пиджаках и при галстуках. Тимофей не без гордости предъявлял им свой свеженький пропуск. Затем он спешил в гардероб, чтобы остаться в новеньком малиновом пиджаке. Рядом мельтешили такие же малиново- и зелено-пиджачные энергичные субъекты, спешащие или в актовый зал или из зала – к дежурному телефону. Здесь, у телефона, выстраивалась очередь. *Брокеры* торопились связаться со своими конторами.

А Тимофей не спешил. Он не собирался уподобляться этим холерикам, суетливым *продавцам воздуха*. Прежде, чем войти в биржевой зал – туда, где на сцене, наверное, еще не выветрился запах пота артистов ансамбля песни и пляски Красной Армии – он направлялся в буфет.

Буфет радовал военной чистотой и аппетитным ассортиментом. Биржевики сбивались сюда в основном к обеду, а в ранний час начала торгов здесь было тихо и уютно; можно было выбрать удобное место у окна с видом на Площадь 1917-го Года. Некоторые постоянные утренние клиенты приветствовали Тимофея, но без особых поводов общаться не стремились, не навязывались.

Тимофей здоровался со Светочкой – самой симпатичной из буфетчиц – шутил, но грани приличий не переходил, знал себе цену. Он заказывал, как водится, бутылку самого дорогого пива и пару бутербродов с красной икрой. Пиво ему было необходимо для лечения. Бутербродами он завтракал.

Первый бокал Тимофей выпивал залпом и, откусив кусочек бутерброда, доставал из *кейса* ежедневник: самое время заняться планированием.

Аккуратным красивым почерком были записаны следующие дела на сегодня:

- *Торги. 10—00 – 14—00*
- *Позвонить в «Зарю» (медь)*
- *Стоматолог*
- *Теннис (узнать)*
- *Л.*
- *194-88-13*
- *Петров*
- *В 16—30 ждут в «Технологии», пр. Лен., 117, комн. 78, Аркадий Никол.*

Эти записи были сделаны им вчера еще в конторе. А вот вечерние, плохо разборчивые пометки:

«Зв. Лебедеву;
196 – 11 – 01;

Корни женьшеня, желчный камень, медные катоды – Георгий, гост. «Турист», ? 33, позв.
до 12—00...

О! Надо позвонить этому Георгию, не забыть. Широкий спектр – медь, желчный камень...

Тимофей обвел последнюю запись кружочком и провел от кружка длинную стрелку в самое начало списка.

В ежедневнике было еще несколько совсем уж неразборчивых строк, символов, имен. Это он вчера завел случайную коммерческую беседу с каким-то командировочным. В пивной. То ли про алюминий они вели переговоры, то ли про рожь, убей бы, не вспомнил, – записи же сути беседы не проясняли. Ну, да и хрен с ним... Всех денег не заработаешь.

Так. Ладно. Ничего срочного. Только Георгию позвонить.

Он убрал ежедневник, с сожалением допил пиво, и дожевал бутерброд. Жаль, пока больше нельзя. Работа. Тимофей встал, подошел к буфетчице.

– Вам, как всегда? – игриво спросила Светочка.

– Канеш-шно!

Она налила Тимофею сто грамм коньяка и отсчитала сдачу.

Коньяк нужен был для поднятия тонуса.

Теперь, уже подготовленный, он шел в зал заседаний.

Биржа как всегда гудела. Партер был по обыкновению забит молоденькими очкастыми брокерами и брокершами – больше похожими на выпускников школы, чем на воротил биржевого бизнеса. Более солидные люди сидели в амфитеатре, откуда тоже все было и видно и слышно. Тимофей всегда садился здесь в третьем ряду, поближе к проходу, вынимал из кейса свежеотпечатанную *биржовку* и вслушивался.

– Лот пятнадцатый, – вещал в микрофон ведущий торгов. – «Масло сливочное. Цена... Количество...»

На сцене, где недоставало только света рамп, стоял длинный стол с традиционным красным кумачом и нетрадиционным «Пепси». За столом сидели трое из администрации Биржи и секретарша, всё что-то записывающая, записывающая. Тимофею она нравилась, и он давно придумывал повод познакомиться. Оно и для дела могло быть полезно.

В принципе, можно было прийти попозже. В начале списка всегда значились разные колбасы-шмалбасы, кетчупы-шметчупы, сникерсы-шмикерсы, а Орликовская контора специализировалась на товаре посolidнее: металл, лес, автомобили. Но, во-первых, не надираться же в буфете еще целый час; во-вторых, мало ли что. Однажды он уже проворонил срочную сделку по чугуну, заявленную почему-то вне очереди (кто-то там торопился на самолет, зараза), и Тимофей сейчас мог бы уже ездить на новеньких «Жигулях» – такая была аппетитная сделка. Перехватили... А в другой раз на торги занесло директора его конторы Вострюгина и, слава Богу, Тимофей забыл дома деньги на буфет и стоял в очередь к телефону (чтобы занять у кого-нибудь из конторских). Вострюгин его заметил и даже похвалил: молодец, мол, уже в контору звонишь, идут, стало быть, дела-то.

– Лот двадцать пять. «Трусы женские в ассортименте. Минимальная партия: пятнадцать тысяч пар... Цена...» – бубнили в микрофон.

«Это что ж, трусы в парах измеряют?» – удивился Тимофей.

Он сверился с биржовкой – многостраничной брошюрой со слепым мелким шрифтом. Так и есть: в парах измеряют, собаки!

Тимофей почти машинально вскинул руку. Его жест заметили.

– Пожалуйста, – смотрел на него ведущий.

Тимофей с достоинством встал с кресла, прокашлялся.

– Контора «Берлога», – представился он, – У меня вопрос к продавцу.

– Да? Кто продавец? Лот двадцать пятый! Это кто у нас? – оглядел ведущий зал.

Из первых рядов поднялся очкарик на вид лет шестнадцати. Он что-то прошептал.

– Консорциум «Надежда», – усилил его голос ведущий. – Пожалуйста, вопрос?

– Минимальная партия, сколько? – спросил громко Тимофей.

– «Пятнадцать тысяч», тут написано, – терпеливо ответил за очкарика ведущий.

– Пятнадцать тысяч – это сколько?

– Не понял...

– Ну, сколько это *штука* – тридцать тысяч, что ли? – в свою очередь терпеливо выяснял Тимофей.

– Почему тридцать? – искренне удивился ведущий. – Написано же: «пятнадцать»!

– «Пятнадцать тысяч *пар*» там написано. Значит, тридцать тысяч *штука*? Если трусов, – улыбнулся покровительственно Орликов.

– А! – тоже заулыбался распорядитель торгов, и зал загудел. Многие оборотились к шестнадцатилетнему брокеру из «Надежды».

– Слушаем вас, молодой человек, – попросил ведущий.

Тот полез суетливо за бумагами, они выпали из его папочки, веером разлетелись по полу и сидениям, и очкарик исчез за спинками кресел. После недолгого замешательства и неслышных в амфитеатре переговоров между очкариком и президиумом, ведущий пояснил:

– Тут ошибка. Не трусов, а колготок.

– Понял, – сказал Тимофей, – Нет, не по-онял! Это как? «Колготки женские»... А бывают и мужские?!

– Ну... – распорядитель торгов снова глянул на троечника из «Надежды», тот снова уронил бумаги (не пьяный ли, подумалось Тимофею), и ведущий, поняв, что советчик из того никакой, махнул рукой, – Ну, может, и бывают...

Зал уже просыпался.

– Вы будете брать или не будете? – прервал перепалку молчавший доселе желчный субъект из президиума. Это был зам президента Биржи Корбунов.

– Нет, – с достоинством ответил Тимофей и сел.

– В чем трусы еще продавать? – вскочила какая-то женщина, – В парах! Чего вы там путаете?

«И, действительно!» – подумалось вдруг Тимофею, – «Вроде, в парах...»

– А вы там уточните! И лот пока снимите, – обратился суровый Корбунов к ведущему. И добавил: – Цирк тут устраивают...

– Я бэру! – вдруг раздалось из задних рядов.

Тимофей оглянулся и увидел поднявшегося в последнем ряду южного человека в дорогом двубортном костюме с отливом.

***

Майор Загузин грустно пил водку в подсобке школьного сторожа Степаныча.

– Нет у государства понятия, что защищать надо Родину! – в который раз повторял он.

Но Степаныч, казалось ему, все-таки не до конца осознавал его мысль. Кивать-то кивал, да все как-то вяло.

– А! – обречено махнул рукой офицер. – Ты-то чего скажешь, Леонид Алексеич?

Леонид Алексеевич, учитель словесности, и вовсе пожимал плечами. Повод для выпивки был самый, что ни на есть, серьезный. Государство отменило школьную военную подготовку. Возможно, чтобы не плодить защитников Родины. Веяние времени всеобщего пацифизма докатилось и до их школы. Военруку Загузину велели сдать автоматы, противогазы, ручные гранаты и предложили полставки учителя труда и рукоделия.

– Нет, вы поняли?! *Мне* предлагают доски строгать! – возмущался майор. – Да я с военного училища молоток в руках не держал. Хозрота на что? Да мне дачу бойцы построили, я гвоздя не вбил.

– Вы уж на пенсии лет пять... – подал голос словесник.

– Ну, это я фигурально. Не в том дело. Надо будет, и молоток возьму, если Родина прикажет. Дело в принципе! Нужны стране солдаты или нет?

– Наверное, нужны...

– «Наверное...» Пацифисты вы сраные! «Наверное!» Кто вас защитит-то?

– От кого?

– Ну, здравствуйте! От кого! Да сколько их, врагов в мире, кого ни возьми. Штаты, китайцы, Израиль.

– НАТО, – вставил угрюмо сторож.

– Вот именно. Надо границы укреплять, а мы, наоборот, китайцев в страну запустили, на рынок ступить некуда. Доиграемся, выживут они нас, давно уж метят. А Америка! Ты думаешь, зря нашим пацанам головы дурят этой жвачкой, джинсами, этой порнохрафией?! Это ж все равно, что побрякушки и цветные тряпочки для дикарей.

– Здравомыслите, – похвалил Степаныч, – Вас бы в депутаты.

– А и пойду! Меня теперь народ поддержит. Меня армия поддержит. Армия быстро разберется, кто тут кто.

– Это после сокращения? – уточнил Леонид Алексеевич.

– А что? – заступился за друга Степаныч. – У нас народ обиженных властями уважает. Ельцин на чем вылез? Я и по себе знаю...

– Погоди-ка, – прервал его Загузин. За разговором не заметили, что вторая бутылка кончилась. Надо было бежать. – Степаныч, твоя очередь.

– Не-е, – обиженно замотал головой сторож, как бы намекая на то, что он тут хозяин, а они гости. А гости должны приносить с собой.

– У меня спирт есть, – сообщил учитель словесности.

– Откуда? – радостно удивился Загузин. – Указку, что ли, протираешь?

– Нет, диапозитивы, – засмеялся Леонид Алексеевич, – О жизни Пушкина. – Он открыл свой толстый тяжелый портфель и извлек оттуда двухсотграммовую бутылочку с делениями.

– Чего молчал-то? – потер руки майор и задумался на миг – А тебе, что, тоже выдают?

– Диапроектор, магнитофон – положено.

– Иди ты!

– Ладно, шучу. Это я у химички на компресс попросил.

– У химички! – расплылся в улыбке бывший военрук, представляя приятную во всех отношениях Анжелу Ипатьевну. – Где ж я-то был? У меня ведь тоже спина...

Степаныч тем временем деловито разбавил спирт и нарезал еще закуски.

– Да, братцы... – вздохнул майор, поднимая стакан. – Последний раз, наверное, так сидим.

– Это почему?!

– Потому! Неужто я с табуретками буду возиться? Да еще на полставки! Придется работу искать. Эх, два года назад была пенсия, куда еще ни шло, а сейчас что это за деньги?..

– Мне тоже всего десять часов оставили, – сообщил и литератор.

– Да ну?! Как так? Во, блин! – майор даже отставил стакан.

– Ксенофонтова из декрета вышла. По закону обязаны ей дать ту же нагрузку, что была до отпуска. Я же, в общем, временно работаю, – скромно поведал о своих проблемах Леонид Алексеевич.

- Ну, елки-надь! Я-то хоть военную пенсию получаю, а ты на что живешь?
- Вот меня хрен кто сократит! – сообщил, выпив уже, сторож.
- Это как сказать, – отмахнутся майор, – На что ж ты живешь, Алексеич?
- Да, всякое. Репетирую помаленьку. Рецензии в журналы. Корректур там...
- У? – майор Загузин о чем-то надолго задумался.
- Так выпьем? – весело предложил Леонид Алексеевич.
- Выпьем, – отрешенно чокнулся с ним майор.

ГЛАВА 1.2

Борщов, прислушиваясь к своему сердцебиению, медленно поднимался по родной лестнице. Он так и не решил, сразу обрадовать Антоновну или как-нибудь потом, не сегодня. Сейчас важнее было найти повод, чтоб раскрутить ее на бутылку. Конечно, стоит ему сразу с порога бухнуть: все, мол, сократили – повод будет....

Но хотелось бы как-то помягче. Не надо тут путать повод с причиной.

Сердцебиение, одышка. На тридцать шестом году жизни, когда все рушится, организм тоже начинает предательски подводить. Как ему выдерживать конкуренцию с молодыми зубастыми волками, не обремененными разными комплексами?

На своем пятом этаже Сергей Иванович постоял пару минут, но так ничего и не придумав, позвонил в дверь. Открыла дочь, тринадцатилетняя Настя.

– Привет! Что-то ты рано, – в голосе дочери он почувствовал подозрение. Неужели, знают? Когда успели? Случайно позвонили ему на работу, и...

- Я рано? Это ты почему-то еще дома, – почти весело отвечал он. – Никак, уроки учишь?
- Ха! – вздернула нос Наська и убежала.
- Мама-ня-то где? – крикнул вдогонку Борщов.
- На кухне, где ж еще?

Тут и Антоновна вынырнула из кухни – отчего-то довольная и раскрасневшаяся, в нарядном переднике.

– Привет! Ты рано...

– А хрен ли там делать... – уклончиво произнес Борщов, скидывая туфли. Второй туфель отлетел и стукнулся о какую-то огромную, стянутую ремнями сумку.

– Что за баул? – удивился он. И тут же заметил некую чужеродную обувь в углу. Все еще не «въехав», начал вешать куртку и наткнулся на чужое кожаное пальто. И, наконец, осознал, что вся прихожая заполнена чужими вещами, а в квартире стоит чужой дух, перемешанный с непривычным в последнее время запахом вовремя приготовленного ужина.

Антоновна между тем загадочно блестела глазами.

Он вопросительно поднял бровь. В первый момент в груди похолодело – никак, родня какая-нибудь приехала? Вот бы не вовремя-то!

Антоновна – надо же! – приблизилась к нему, поцеловала в щеку, приняла из его рук авоську с хлебом.

- Выпить не купил случайно? – спросила она.
- А у тебя не день рождения случайно? – озадаченно промолвил Борщов. – Ба! Да ты уже! Она отвернулась и, танцевально повиливая бедрами, зашагала к кухне.
- Он выпить не принес! – крикнула она кому-то в кухне слегка заплетающимся языком. Сергей Иванович, как замороженный, двинулся вслед за нею.
- В мелкогабаритной их кухне стоял густой туман; возле лампочки висел топор.

Первое, что разглядел Борщов в этом тумане, были глаза... Глаза, от взгляда которых он мог бы умереть, но как-то не умер сразу, и даже вида не подал.

Она не изменилась. Неужели? Ведь прошло больше десяти лет. Нет, конечно, на лице ее появились морщинки, кожа уже не была такой гладкой, но все это было неважно.

Татьяна улыбалась. Танька, тайная институтская любовь...

Да, он когда-то любил её, лучшую подругу своей жены и, в силу многих причин не смог даже сделать попытки, даже просто дать ей знак. Хотя, казалось, она все видит, все понимает.

А потом она уехала. Далеко. И были сначала только ее редкие письма Марине с ничего не значащими «привет Борщову». И он начинал понимать, что, кажется, сделал в жизни самую большую глупость, не сделав *ничего*. Это была болезнь. Иногда ему хотелось бросить все и уехать туда, в Новосибирск, где жила теперь Татьяна. Бывало, что он пьяный писал ей письма, но рвал их, протрезвев. И понял, что однажды все-таки бросит такое письмо в почтовый ящик.

Понял он это за те три секунды, что видел ее глаза, пока Татьяну не заслонил вставший ему навстречу мужчина с сердечной, располагающей к себе улыбкой.

– Узнал? – спросила Антоновна, имея в виду, конечно, не этого незнакомца. А Борщов глупо улыбался, косясь на Татьяну и мотая головой.

– Это мой муж, – подала голос Татьяна, с каким-то *эдаким* выражением, впрочем, ему все чудилось, все чудилось. Просто муж, да и муж!

– А это *мой* муж! – вторила ей Антоновна, указывая на Борщова.

– Ну, вот и познакомились, – засмеялся Муж. Он крепко пожал руку Борщову и представился: – Александр-р.

– Сергей, – выдохнул Борщов, поразившись глухоте своего голоса. Он уже знал, конечно, имя Татьяниного мужа. Из писем.

Интересно, заметила Антоновна что-нибудь? И знала ли раньше? Если и заметила, то виду не подала.

Он что-то говорил. Татьяна то приближалась, даже коснулась губами его щеки, то где-то терялась...

Только пару минут спустя, закрывшись в ванной, Борщов очухался, разглядывая в зеркало свои ошалелые глаза.

Одышка, которая началась еще на лестнице, кажется, усилилась. В груди как-то нехорошо бухало. Надо было перевести дух – не мальчик, все же... Борщов затушил и выбросил сигарету, присел на краешек ванны и включил по сильнее воду.

Он и не думал, что так обрадуется.

***

«Опять подружек привела», – подумала Катя, невольно вслушиваясь в разговоры, доносящиеся из прихожей. Последнее время бабуса часто приходила не одна. Нет, соседки по подъезду были нередкими ее гостями, но заходили они обычно попозже, после обеда. А тут прямо с утра какая-то делегация. И тетки были всё какие-то незнакомые. Иной раз Катя сталкивалась с ними в коридоре, но они сразу исчезали за порогом бабусиной комнаты, где включали старенький телевизор, и на всю квартиру взывала очередная рабыня Изаура, а то и Просто Мария. Видимо, старым подругам по душе был коллективный просмотр.

– Проходите, Мария Тимофеевна, проходите, – неслось из-за двери, – Вот сюда, здесь моя комната... *Пока* еще не выселили. Недолго осталось. Вот, внучок подрастает.

«Специально для меня – так громко?» – расстроилась Катя. Жилищный вопрос в последнее время, действительно, поднимал голову. В этой трехкомнатной квартире они жили, сколько она себя помнит. И у Кати всегда была своя комната. Бабуся с дедом занимали другую, побольше. А родители обитали в гостиной. Там же появилась и кровать братца. Дед умер три года назад, и выходило, что Катя и бабушка теперь занимают по отдельной комнате, а родители с братом ютятся втроем.

Сашка же подрастал. Гостиную приходилось по-всякому разгораживать, перегораживать. То его уголок отделяли сервантом, то их раскладной диван ширмой, – так, что и гостей-то неудобно стало принимать. И Катя, и бабуся с тревогой ожидали перемен. Уже пошли какие-то *рассуждения* на кухне за общей трапезой. Намеки высказывались. Слава Богу, брат был еще мал, а то бы он быстро предложил простое арифметическое решение: родителям выделить спальню. Бабуся переселить к внучке, а самому, так и быть, остаться в *общей* гостиной. В этом направлении намеки и сыпались. Разве что, сомнения возникали, не остаться ли родителям в зале, а ему занять отдельную жилплощадь. Поменьше, Каткину. А ей и у бабуся будет не тесно. Она уже выучилась, а Сашеньке тишина нужна, чтоб готовить домашние задания. Как будто он их готовит...

И вообще, думала Катя, зажила я тут. Пора уж выйти замуж, как все нормальные девушки, и переехать жить к молодому мужу.

Правда, по этому поводу намеков пока не возникало. Во-первых, тема, конечно, деликатная. Во-вторых, не буди лиха, как говорится. Как бы молодой да красивый муж к ним не переселился. Из общаги ветеринарного института...

Папаня, папаня! Нет, чтоб заботиться о расширении, крутиться как-то, а то – как получили двадцать лет назад эту хату (за счет деда-фронтовика, между прочим), так и застряли...

Но пока все оставались при своих, и бабуся могла принимать своих гостей, как подобает, *у себя*.

– Проходите, Семен Макарович, проходите. Вот сюда, – снова услышала Катя. Ого! В доме появился мужчина!

Что у них там, клуб знакомств открылся, что ли? Для тех, кому за 70...

– Понял, – громким надтреснутым голосом ответил Семен, видимо, Макарович, – А, простите, где у вас тут руки помыть?

– Вон там, вон там...

– Благодарю.

«Какой вежливый дедушка», – думала Катя, – «Не иначе, бывший профессор. Или не бывший?» У них в институте профессора на пенсию принципиально не спешили. Иных и под руки водили на лекции.

Не ровен час, у бабуся ухажер объявится. Хотя... Тогда ее с Катей точно не объединят; а то, глядишь, и бабуля сама – к *молодому* мужу...

За стеной послышалось знакомое «бу-бу-бу» вперемежку с испано-язычными обращениями: «Ах, Гарсия... сеньор Антонио... падре Мандрагорья»... «Вашего племянника убили дурные наклонности и страсть к прелюбодеяниям!.. Ах, донья Хуанита, ах, матрона Кабанне!..»

И так целый день!

Тут к Кате постучали.

Она вскочила с дивана и сама открыла дверь. Это была не бабуся. Это был сам Семен, видимо, Макарович.

– Ох, извините! – смутился старик. Да, именно старик, лет ста, но бодрый, в пиджаке с орденскими планками.

– Бабушкина комната там, – показала Катя.

– Благодарю, благодарю. Какое чудесное дитя! – Семен, видимо, Макарович, блестя глазами, спиной вперед отошел в указанном направлении.

Катя вздохнула и присела к зеркалу. Чудесное дитя... Возникла потребность подкрасить глаза.

Не прошло и минуты, как дверь толкнули, и в образовавшуюся щель послышалось:

– Катюня!

– Ау, бабуля! – отозвалась Катя.

– Телефончик-то у тебя? – баба Варя вошла в комнату, озираясь в поисках аппарата.

– У меня.

– Ну и как, дозвонилась куда-нибудь?

– Да, так...

– Эх, – горестно вздохнула бабуся и убралась. Вместе с аппаратом.

Телефон им понадобился...

Катя подошла к книжному шкафу. Все читано-перечитано. Маманя свеженьких брошюр подсунула. Некий Дэйл Карнеги с умными советами, как стать счастливым и богатым. Тесты еще какие-то: «Найди свою тропинку».

Поиски работы за последние три месяца вывели Катю не то, что из душевного равновесия, но и, кажется, душевного здоровья. Сначала, после окончания института, она отдыхала на седьмом небе, когда выяснилось, что *распределение* отменили, и не надо было ехать отрабатывать куда-нибудь в сельскую школу или библиотеку. Именно в эти хлебные места отправляли первым делом свежее испеченных искусствоведов. Это уж потом, вернув государству долги за бесплатное обучение, годика через три (если не выйдешь замуж и (или) не заведешь корову), ты могла спокойно осесть где-нибудь в районном отделе культуры или, если повезет, помогать с культурой трубопрокатчикам в их ДК: подкрашивать серебрянкой бюст вождя, заделывать штукатуркой панно «Радость труда», ну и так далее, что там еще положено *молодому специалисту*? Постепенно можно было дорасти до министра культуры – это было известно каждому выпускнику института. Но сначала – районная библиотека!

А теперь! Теперь выяснилось, что можно вообще все, что не запрещено. Не запрещено было и вовсе не идти работать в школу или библиотеку. *Свободное распределение* – мечта красных отличников – стало доступно абсолютно любому.

Тут еще ее сбили с панталыку на кафедре... Давай, мол, готовься в аспирантуру. Вступительные экзамены – осенью. Она как дура корпела, вспоминая забытую напрочь марксистско-ленинскую философию, бегала на курсы английского, просиживала в библиотеке над альбомами и монографиями о жизни гениев.

Сдала. Приняли.

А потом выяснилось, что аспирантуру при кафедре закрывают, и теперь, если уж нейдет, нужно ехать в Катеринбург. Но уже следующей осенью. И еще специальность пересдать – там как-то не сильно доверяют нашим местным экзаменаторам.

В общем, надо было искать нормальную работу.

К январю, правда, оказалось, что в школах давно идут сокращения штатов, и ставок нет. Разве что, где-нибудь в Колупаевке, куда добираться часа полтора на трёх автобусах. А библиотеки вообще позакрывали, открыв на их месте совместные с братьями-вьетнамцами торговые предприятия. Катя подумала, не устроиться ли в газету – недаром печаталась в институтской

многотиражке. Захотелось ей вести культурную, или какую там еще страничку в областной печати, хоть в «Вечерке», хоть в «Местной правде». Только там ее и ждали! Предложили на полставки курьером. Отказалась дура, а через два дня место уже заняли.

Катя ничего не понимала. Она ходила в соответствующие отделы, в музей, в какие-то липовые культурные фонды, появляющиеся, как грибы после дождика... Те фонды занимались продажей папирос и водки. Учредители, непременно толстые дядьки, предлагали ей место секретарши, а по совместительству – референта по общим вопросам. Иногда лапали – видимо, оценивая профпригодность. Она дурела и бежала из этих фондов...

...Да! Нужно же позвонить Леське! Вот о ком она сегодня забыла напрочь, хотя подсознанием ощущала с утра что-то хорошее, что редко уже случалось последнее время. Эх, бабуся телефон утащила!

Катя порывисто вышла в прихожую за аппаратом. Телефона на столике не оказалось. Удлинительный шнур уходил под дверь бабусиной комнаты. Звонят они!

Катя озадаченно подошла к закрытой двери, гадая, закончили ли они телефонные переговоры. Странно: всхлипы и вздохи донна Рамиреса были приглушены, зато отчетливо слышались голоса бабусиных гостей.

– А какова норма прибыли? – раздавался голос Семена, видимо, Макаровича.

– Какая там норма... – это уже баба Варя.

– Ну, как же, Варвара Игнатьевна! На любом предприятии устанавливается норма прибыли...

– Да погоди ты, Сеня, нам голову забивать. Рано еще нам о нормах прибыли думать, – послышался другой женский голос, – Мы пока решаем организационные вопросы.

– И все-таки, и все-таки, – обиженно проворчал Семен, видимо, Макарович.

Подслушивать нехорошо. Но Катя так удивилась услышанному, что просто не могла отойти от двери.

Третий женский голос, между тем, продолжал:

– Товарищи, то есть, господа, давайте не отклоняться. Давайте, по повестке дня.

«Ого!» – подумала Катя, – «Никак, в нашем доме поднимает голову гидра недобитого коммунизма. Тайные собрания ветеранов компартии? Но при чем тут «господа»?

– Да, что там по повестке? – это баба Варя.

– Нам еще нужно придумать название нашего товарищества, выбрать директора, тогда и будем думать об Уставе. Нужно еще согласовать вклады в Уставный фонд.

– Какие вклады? – горестно вздохнула бабуся. – Все вклады Гайдар съел.

– Да, уж нам бы сейчас наши вклады... – вторила ей кто-то из подруг.

– Ничего-ничего, – успокоил их Семен, видимо, Макарович. – Минимальный Уставный фонд, в принципе, невелик. И его можно внести имуществом.

– Какое у меня имущество? – совсем пала духом баба Варя. – Вот только телевизор черно-белый, ему цена красная сто рублей. Новыми. Да еще ковер драный.

– Это не беда...

– Люди, – строго сказала та дама, что объявляла повестку дня. – Мы еще дойдем до Уставного фонда.

Хоть садись и табуретку подставляй! Такой был интересный у них разговор. О телефоне Катя и позабыла. Она только чуть-чуть отошла от двери, готовая в любой момент отскочить подальше.

– Давайте хоть, название придумаем, – предложила строгая дама. По всем приметам, по голосу и тону, была она из начальников.

– Что тут долго думать? Да хоть, «Березка», хоть «Одуванчик»... – предложил кто-то.

– «Божий одуванчик»! – хохотнул старик.

– Н-да, Мария Тимофеевна, – протянула укоризненно и строгая дама.

– Может, что-нибудь эдакое ... – это баба Варя.

– Молодежное, – не унимался Семен Макарович, – Давайте вашу очаровательную внучку спросим.

При упоминании собственной персоны Катя отскочила от двери, и через пару секунд была уже в своей комнате. Вовремя: почти тут же ее дверь приоткрылась. Неужто, бабуся, и вправду, идет к ней за советом?

– Катя, тебя к телефону! – крикнула, однако, баба Варя. Что-то уж больно строгим голосом...

***

Тимофей Орликов с чувством выполненного долга направился в буфет. Единственный лот, заявленный его конторой, был озвучен. Интересы у биржевиков их вагон арматуры не вызвал, уже в который раз. Дурак директор, купил эту арматуру, почти все конторские деньги истратил (вечно он со своим: «надо торговать *реальным* товаром»), а цены встали. Ну и, смысла не было следить дальше за торгами – денег-то все равно не было. Правда, имелись у них заказы от некоторых партнеров, при случае взять что-нибудь на Бирже по *комиссии*; но, во-первых, хотели они всё купить *даром*, во-вторых, биржовку с указанием товаров и цен Тимофей уже изучил и ничего подходящего там не встретил. Можно было, конечно, сидеть, ждать какого-нибудь внеочередного лота, но это успеется. Все, что не вошло в биржовку, обычно объявлялось под конец сессии.

К тому же, после всех этих продуктовых и тряпочных лотов в голове у Тимофея все перемешалось. Ароматные чаи в бочках налезали на меховые купальники, их вытесняла колбаса *без соли*, *видеодвойки* грузинские, репа с медом в стеклбанке 0.25 литра, тюль драповая по сто пятнадцать рублей за килограмм и странное «*каширо*». Может быть, *кашиПо*, однако, и написано было в биржовке «каширо» и продиктовали «каширо», и никто не поправил, так что, возможно, действительно, *каширо*. Мало ли чудес не бывает на свете? Купить бы этого кашира (тем более что, недорого), да и поставить куда-нибудь в Самотлор, озолотились бы. Особенно, если сдать оптом, пока никто не разобрался.

Вот бы как торговать! А то – купил гад Вострюгин, арматуру, ржавеет теперь на складе. И сиди без зарплаты...

Тимофей аккуратными шажочками, дабы не привлекать внимания окружающих (он был воспитан на классическом театре), приближался к выходу.

– Мужик, ты куда? – остановил его некто, сидящий в первом ряду амфитеатра.

– В буфет, – машинально отозвался Орликов и сразу одернул себя: «Тебе-то какое дело?»

– Не будете ли так любезны, принять наше предложение? – окликнувший его человек, немного странный на вид, с бакенбардами и в плоской круглой шапочке, сунул в руки Тимофея какой-то рекламный листочек.

«Завтрак для Бизнесменов» – такая реклама украшала этот листочек. Красивые картинки с видами Средиземноморских курортов и гор Эльдorado, на фоне которых необычайно мужественные люди поглощали что-то из пластиковых тарелок. Так, во всяком случае, показалось Тимофею на первый взгляд.

– Бред какой-то... – пробормотал Орликов, но рекламку не выбросил (он вообще, как культурный человек, не мог бросать мусор в театральном зале прямо на пол), а сунул в карман.

– Благодарствую! – тем не менее поклонился ему субъект с бакенбардами, – Чу!

Он приблизил ладонь к уху.

Тут и профессиональный слух брокера Тимофея уловил в невнятном бормотании аукциониста слово «лонжероны».

Как лонжероны?! Откуда лонжероны?! Это же то, что ему позарез нужно! Это же их самый главный заказ! Кажется, из Новонорильска! Нигде не могут достать. Даже и в Магнитку делали заявку, но там их отфутболили.

Тимофей встал в стойку, но понял, что всё прослушал – и цену, и количество, и название конторы-продавца. Между тем, поднялось несколько рук потенциальных покупателей.

– К поставщику вопросы, – провозгласил ведущий. Продавец не поднимался. – Так, хозяин отсутствует. Будем работать?

– Двадцать пять! – крикнул кто-то из первых рядов.

– Двадцать шесть! – подняли цену.

Тимофей в волнении присел на ближайшее кресло, лихорадочно доставая бумаги из кейса. Ему надо было отыскать ту заявку из Новонорильска. В ней должна быть указана приемлемая цена заказчиков. Куда запропастилась, проклятая?

– Двадцать семь!

– Тридцать! – продолжали торговлю другие.

Да пропади ты пропадом! Уйдут лонжероны! Тимофей зачем-то глянул в биржовку, и тут же обнаружил там эти самые лонжероны под номером 120, через три позиции от его несчастной арматуры. Чуть не прозевал! Спасибо мужику...

На «тридцати» торговля встала. И, вроде как, начали считать до трех.

Тимофей поднял руку, не отрывая глаз от вороха своих бумаг.

– Стоп. Кто-то еще есть, – прекратил счет распорядитель торгов, – ваша цена?

– Сейчас, сейчас, – бормотал Тимофей и выпалил: – А где продавец? Мне нужно выяснить минимальную партию.

– Я *всэ* бэру! – раздался вдруг голос того самого южанина в дорогом костюме. – Какая разница?

Это, видимо, он поднял цену до тридцати.

Черт!

– Тридцать один! – выдохнул Тимофей. Как же он с бодуна просмотрел эти хреновы лонжероны? Надо было давно уже сбежать и позвонить в контору, согласовать максимальную цену с шефом.

– Тридцать два!

Эх, разве теперь сладишь с этим грузином!

– Тридцать три, – холодея, выдал из себя Тимофей. Соперник задумался.

– Так. Тридцать три, раз... Тридцать три, два...

– Тридцать пять! – возродился южанин. – Я дэньги плачу! Налично.

Тут уж и зал зашумел. Наличные сегодня шли чуть ли не один к полутора к безналичным.

– Тю-тю-тю, – испугался зам председателя Корбунов. – Правил не нарушать. Снимем с торгов.

Расчет наличными официально не приветствовался.

Южанин этих тонкостей не знал. Он поднялся в негодовании, подумав, что его заподозрили в какой-то нечестности.

– Я *сэйчас* плачу. Вот дэнги, – он поднял над головой портфель. – Я долларом плачу.

Зал притих.

Господи, да почём же эти новонорильчане хотели купить лонжероны? И что это, в конце концов, такое – лонжероны?

Тем временем, Корбунов вырвал из рук ведущего молоток и, что есть силы, сам застучал по столу.

– Попрошу порядок не нарушать. Что вы тут себе позволяете?

Онемевший грузин бросился чуть не через ряды к президиуму. Его придержали двое дюжих соплеменников. От дверей зала оторвались скупающие доселе охранники.

– Выведите господина, – пошел вдруг на принцип Корбунов.

– Как? – побагровел южанин и в третий раз произнес сакраментальную фразу: – Я дэнги плачу!

Охранники кинуться-то к нему кинулись, да как-то лениво. Грузиновы телохранители позасовывали руки в карманы, не иначе, как за гранатами. А то и кинжалами.

Кто-то из брокерш упал в обморок.

– Перерыв! – перекрыл шум в зале Корбунов.

Зашумели-загалдели пуше прежнего.

– Перерыв десять минут! – стукнул Корбунов молотком.

Тимофей с неожиданной для себя прытью кинулся к выходу. Телефон, срочно телефон! Полцарства за телефон!

Он не оглядывался на заварившуюся возле соперника битву. Сейчас он дозвонится, получит ценные указания (ЦУ), а там уж...

К телефону стояла привычная очередь. Как за солью в войну.

– Господа, мне нужно срочно позвонить! – взмолился Тимофей, подбежав к аппарату.

Очкастая брокерша у телефона округлила глаза.

– А нам просто трубку понюхать, – возразил Тимофею какой-то остряк из очереди.

– Мне нужно в контору позвонить – прижал руку к груди Тимофей.

– А мне – бабушке в Воркуту! – хохотнул остроумец.

– Девушка, это очень срочно! – Тимофей обращался уже к брокерше, разинувшей рот и чуть не выронившей трубку.

Тут он почувствовал, как кто-то со спины крепко взял его прямо за галстук, и увидел, как вожделенный аппарат начал странно удаляться... Потом он обнаружил перед собой лицо, нет – рожу черно-пиджачного амбала. Охрана.

– Тебя сразу вывести, чудака на букву «м», или в очереди постоишь? –дохнула рожа дорогим одеколоном.

– Мне нужно срочно... – прохрипел Тимофей, не сдаваясь.

– Ясно, – кивнула рожа, и амбал как-то так ловко поддел Тимофея, что тот, сам человек немаленький, ножками-ножками направился в дружеской компании прочь от аппарата. Они оказались к какой-то комнатенке. Здесь за обшарпанным столом сидел усатый мужик в защитной форме чуть ли не с орденом. А, может, просто значком парашютиста-отличника.

– Чё там? – поднял голову усач.

– Вот, Константиныч! Дебоширит, козел.

– Так пинка ему, и на тротуар лицом, – зевнул орденосец.

– Да он несильно пока.

– Тебе чё, мужик? – обратился усач к Орликову.

Галстук отпустили и, проперхавшись, Тимофей начал пространное объяснение – куда, зачем и почему ему необходимо было позвонить.

Усач почесал голову, затем подмышкой, заодно поправив пистолет. Встал. Он оказался ростом еще выше, чем Рожа, метра два, не меньше.

Выйдя с трудом из-за стола, усач приблизился к Тимофею. Тот похолодел, готовясь к больничной койке.

– Ну, звони, – вдруг кивнул усач на черный массивный аппарат времен Иосифа Виссарионовича.

Тимофей на негнущихся ногах подошел к реликту.

– Спасибо, – слезливым каким-то голосом выдавил он, хватая трубку.

– Только у нас платный.

– Сколько? – счастливый, спросил Тимофей. С этого бы и начинали. А то – лицом об асфальт!

От услышанного тарифа он чуть снова не упал.

– Да мне по городу, – промямлил Тимофей. Усач полез рукой подмышку – то ли за пистолетом, то ли просто почесаться.

Делать нечего. Плакал его обед с коньяком. Но пусть только шеф попробует не оплатить *это*!

Крупная купюра из его гомонка оказалась в лапе усача. Тимофей, вернувшись в реальность, уже остервенело крутил диск. На том конце отозвалась секретарша Ксюша.

– Алле! Брокерская контора «Берлога». Слушаю вас, – пропела она заученно-томно.

– Ксенька, шефа позови, – прервал ее Тимофей сирым голосом.

– Алле? Кто это? – тон ее моментально сменился на пренебрежительно-грубый.

– Елки, это я, Орликов, с торгов, с биржи!

– А...

«Хрен-на!» – хотел сказать Тимофей, но передумал

– Шефа позови, говорю.

– А-а... его не-ету ... – протянула Ксения.

– А-а ги-де о-он? – передразнил, не сдержавшись, Тимофей.

– Не доложился.

– А кто есть? Ермачов есть?

– Ника-аво не-ет.

– Мама родная! Где вы там все ходите?!

– *Я-то* здесь сижу! – обиделась Ксюха.

– Сидишь... Слушай, это ты ведь письмо из Новонорильска принимала по факсу? Дня четыре назад?

– Ну, я-а...

– Срочно найди! У меня копия затерялась («тьфу, зачем я?»), поищи сам факс.

– Срочно? – вздохнула сверхленивая Ксения.

– Бл... – поперхнулся он и добавил: – Да.

В трубке послышалось неторопливое цоканье ее каблучков и шелест бумаг.

– Не по времени хоть берете? – решился пошутить Тимофей, обращаясь к своим обидчикам-спасителям.

– Надо бы ... – криво ухмыльнулся начальник каптерки.

Ожидание затягивалось. Тимофей уж успел и галстук поправить, и пиджак, и прическу. Мог бы при желании и туфли почистить. Мать ее, что она там копается? Как будто в день принимает по сотне факсов.

Наконец, каблучки снова зацокали.

– А нету, – услышал он ее равнодушный голос.

– Как так?

– Никакого нету факса из Новонорильска. Тут есть из Тольятти, из Магнитогорска...

– Вот-вот, что там из Магнитки? А, впрочем, нет, не надо. Там нет ничего, и не было.

Как же так? А где ж тот факс?

– Ну-у, не знаю.

– Не знаю! – Тимофей еле стерпел. – Кто знает-то?

- А че вы кричите?
- Блин, кричу... Это я еще не кричу... Шеф когда будет?
- Ну-у, после обеда обещал... И другие тоже.
- Н-да?

Нецензурное пожелание приятного им всем аппетита не успело сорваться с его губ – он аккуратно положил трубку.

- Спасибо, мужики, – вздохнул Тимофей. – Выручили.
- Охранники снисходительно ухмыльнулись в ответ.
- Заходи, – напутствовал его парашютист-орденоносец. – Тариф ты знаешь.
- Амбал-охранник провожал Тимофея, теперь под ручку.

В дверях они столкнулись со знакомым портфелем – прижав его к животу, в каморку вошел Южанин. Тот, что «платил долларами». Галстук его был в руке сопровождающего охранника. Двое спутников грузина с закрученными за спину руками маячили сзади.

- Э-э-э, – протянул усач-орденоносец, не успевший влезть обратно за свой стол.

***

Учитель словесности Леонид Алексеевич и бывший военрук Загузин оккупировали уютный подоконник в переполненной забегаловке возле драмтеатра. От водки им уже было плохо, и для разнообразия они взяли портвейна.

Степаныч где-то потерялся, возможно, остался сторожить школу. Впрочем, в новорожденных планах майора Степанычу места пока не находилось. И, вообще, разговор становился сугубо конфиденциальным.

– Ты, ведь, Алексеич, возвращаешься в этих кругах? – майор очертил поднятым указательным пальцем некий овал.

– Каких кругах? – не понял Леонид Алексеевич; он уже мало что понимал в речах майора, который то вспоминал детство, то армейские будни, то сбивался на красно-белую пропаганду, ругая последними словами и коммунистов, и демократов.

- Ну, ты понимаешь...

«Он о чем? О коммунистах? Или считает меня *сторонником рыночных реформ*?» – гадал осторожный словесник.

- Не понимаю, – мотнул он головой.

– Алексе-еич ... – укоризненно протянул майор. – Да у тебя же на лице написано. Ты и сам говорил...

- Что я говорил?! Ничего я такого не говорил!

- Тс-с, – прижал палец к губам майор, озираясь.

«А, может, я для него – агент КГБ? Или ЦРУ?» – удивился Леонид Алексеевич. – «Но разве я давал повод?»

Загузин склонился над стаканом и поманил литератора.

- Ты ведь сам говорил, что сотрудничаешь с этими... как их?

- Ни с кем я не сотрудничаю! – отпрянул словесник.

- Так врал, что ли? – выпрямился разочарованный майор.

- С кем я сотрудничаю?

– Я так и понял, что заливаешь. А я-то надеялся... Ладно, давай еще по одной, и – до дому, до хаты.

Он допил оставшиеся полстакана, занюхав левым погоном.

- Жаль, – с чувством добавил Загузин. Леонид Алексеевич пожал плечами.

- Значит, с журналами не сотрудничаешь? – снова спросил майор.

- С журналами? Ну, пишу, там, рецензии... В научных изданиях... Иногда печатают.

– Тыфу ты, елки-надь! А говоришь, не сотрудничаю...

– Вы об этом? Ну... Что значит, сотрудничаю? Пишу рецензии – в основном на статьи, что мне присылают из журнала. Это, понимаете, научная работа. Я ведь, между прочим, кандидат наук. Правда, философских. Если бы педагогических, мог бы в системе образования карьеру сделать. Впрочем, и с философской степенью могу. Мог бы.

– А чего не сделал?

Леонид Алексеевич вздохнул и выразительно шелкнул пальцем возле кадыка.

– Да ну?! – поразился Загузин. – А в армии, это первое дело. До генерала без язвы желудка никак не дослужишься. Да что там до генерала! До капитана. Всякий непьющий человек у нас вызывает подозрение. Его не продвигают по службе. Вдруг шпион?

– Ну вот, – снова вздохнул Леонид Алексеевич, как бы закрывая тему.

– Шучу! – вдруг объявил Загузин, снова оглянувшись. – Ладно, рассказывай. Я еще возьму.

Он обернулся за полминуты, возвращаясь с двумя полными стаканами.

– Так я не понял? – снова спросил он. – Чего ты в школе сидишь, чего науку не двигаешь?

– Из педагогического, где я преподавал, меня за это дело и того... В школу взяли с радостью – мужчин не хватает нашему образованию. Пока держусь. Жена предупредила – подаст на развод, если не остановлюсь.

– Стерьва.

– Нет, она хорошая женщина. Я ее прекрасно понимаю.

– Н-да. Ну, ты, молодец, держись тогда.

– Ага, – учитель поднял стакан. Чокнулись. – А наукой я потихоньку продолжаю заниматься. Это... это такое, что просто так не бросишь. Засасывает. Да и сам себе хозяин в некотором роде. Можно сказать, хобби. Хотя, кое-что и приплачивают. По старой памяти присылают люди статьи, диссертации. И с кафедры я в плане науки как бы и не уходил. Доклады посещаю, семинары, конференции. И статьи пишу. Что-то печатают. Даже гонорары бывают. Маленькие, конечно. Я науку не бросал! («Тыфу, пьяный базар начинаю...» – подумалось Леониду Алексеевичу). Меня знают! Я, если с *этим* завяжу, может быть, еще и на кафедру вернусь. Для докторской гора материала.

– Гхм, – кашлянул майор. – Это все, конечно, хорошо. Прямо, молодец! Только в институтах-то, я слышал, совсем перестали платить? У меня однополчанин в политехе военруком – так только на пенсию и живет.

– Это да. Это да. Учителя-то поболее, наверное, стали получать, чем преподаватели в вузах.

– Ну, и нафиг тебе кафедра?

– Видишь ли, это трудно объяснить... Да и потом, много ли нам с женой надо? Детей Бог не дал.

– Ладно, – решительно прервал Леонида Алексеевича майор. – Я тебе получше занятие придумал. А наукой своей можешь заниматься в свободное время.

Словесник вопросительно поднял на него глаза. Загузин воровато огляделся. Галдящие мужики, с удовольствием вдыхая запах ельцинских перемен, их разговором не интересовались. Но бдительность была в крови офицера. Загузин понизил голос.

– Будешь председателем моего штаба.

Леонид Алексеевич чуть не подскочил. Когда понял, что не ослышался, подал голос:

– Да, я и в армии не служил. («Никак военный переворот задумал военрук спьяну!» – была первая мысль).

– В армии штабом командует не *председатель*, а *начальник*, — обиделся майор. – Я про другой штаб. Не понял еще?

Кроме штаба народной дружины Леониду Алексеевичу ничего в голову не приходило, и он помотал головой.

– А, говорил, умный, – хихикнул майор. – Ну, это же, как дважды два. Четыре, – уточнил он.

– Ну?

– Хотя, ты ж не математик...

Загузин вновь допил свой стакан, презрительно сощурился на еще полную емкость собеседника и щелкнул пальцами:

– Ты помнишь, что нам Степаныч-то говорил?

– А что он говорил? Он все больше дремал.

– Дремал... Дремать-то дремал, но умную вещь сказал. Мы ведь люди хоть и простые, но тоже неглупые.

Ничего особенно умного Леонид Алексеевич в словах Степаныча не помнил, разве что, насчет способа разбавления спирта с учетом его усыхания, то есть, уменьшения в объеме. Может быть, военрук придумал, как это использовать в целях обогащения? Но при чем тут *штаб*?

– Смотри, – снова склонился над столом Загузин, маня пальцем литератора. – Мне еще пятидесяти нет. А сколько ваш Ельцин протянет?

– Наш?

– Ваш, ваш. Ну, ладно, не обижайся. Ихний. Да, без разницы. Сколько протянет? Лет десять? Вот. Мне тогда аккуратно будет столько, сколько ему было, когда он в люди начал выбиваться. На высшем уровне, конечно. До этого, ясное дело, он в партии рос, но сейчас времена такие, год за два. Как на фронте. Вот и посуди сам, кто через десять лет будет президентом России?

– Кто?

– Я. – майор Загузин ясными глазами смотрел на словесника.

Леонид Алексеевич не вовремя прихлебнул из стакана и, конечно, поперхнулся. Невольно он облил будущего президента вином и, продолжая кашлять, попытался стереть испачканную шинель военрука. Но тот не обиделся и принялся энергично колотить собеседника по спине.

– Напьютша как швињи! – укоризненно прошамкала случившаяся рядом уборщица. – Давайте, жакрывать пора.

– Ты, мать, нас не гоня. Не знаешь, кого гонишь! – возмутился майор. – Мы вот вашу тошниловку мигом прикроем.

– Ы-ы! Прикрыл! А ишшо военный...

– Ну тебя! – отмахнулся Загузин. Ему не терпелось продолжать свои объяснения. – Окле-мался?

Словесник кивнул. Майор сбегал за портвейном.

– Им не наливай. Они уже блюют, – пожаловалась работница швабры и совка хозяйке.

– Налито уже. Сгинь, – сплюнул майор. И Леониду Алексеевичу: – Ну, как? Рад назначению?

– Какому назначению?

– Тьфу, опять за рыбу деньги! Эх, с кем приходится работать! Сейчас бы Тумаса, политрука нашего мне... Он умел красиво пи... умел говорить. Ладно, научим и тебя соображать быстро, по обстановке. Как в армии. Будешь ты руководить моим *избирательным* штабом.

– Избирательным штабом?

– Я, Алексеич, для начала решил в депутаты Верховного Совета выбираться.

– Давно решили? – икнул словесник.

– Давно, давно. Давнее, чем ты думаешь.

- Я ничего и не думаю.
- Ладно, это научим. Слушай мою команду! То есть, слушай. Просто, слушай.

Майор хищно щелкнул зубами и начал излагать.

ГЛАВА 1.3

– Вот, видишь, Борщов, люди делают деньги, – говорила Антоновна.
– Да какие там деньги? – махнула рукой Татьяна. – Другие миллионами ворочают, в старых, заметьте, ценах, а мы...

– Ничего, *мы* еще нагоним, – подбоченился Александр, слегка задетый.

Борщов пьяно кивнул.

Чета Сундариковых, а именно такую фамилию – Сундарикова – носила теперь Татьяна, занималась Делом (по-английски, «бизнесом»). Оказывается, уже года три, как Александр кооперативничал, выпуская самодельные презервативы. «Выпуская» – это громко сказано – просто арендовал соответствующий цех соответствующего предприятия. А сейчас шлюзы совсем открылись, и дешевле стало закупать импортные изделия в Питере, и возить их потом к себе, в Новосибирск. Две сумки с Товаром стояли как раз в прихожей Борщовых. Александр с удовольствием демонстрировал разные виды заморского чуда – цветные, в горошек, с запахом ананасов и со встроенным будильником... Дамы, точнее, одна Антоновна (хотя порывалась на кухню и дочь Настя), с интересом разглядывали товар и жалели, что это не колготки, нельзя примерить. Борщов предложил свои услуги, за что получил по уху, а также выслушал от жены несколько язвительных замечаний насчет своей антропологии.

Сергей вообще нервничал и все пил, пил. Напитки были тоже невиданные – виски, «Амаретто», коньяк «Наполеон».

Сдавали они презервативы по аптекам. Цена подсказывала от закупочных чуть не втрое, половину прибыли брали аптекари. Александр считал, что нужен свой сбыт, своя торговая точка. Но на одних «резинках» аптеку не откроешь, уверял он, а чтобы набрать других лекарств для полноценной точки денег не хватало. Но скоро хватит, заверял Александр. Тем более что у него еще осталось небольшое производство – изготовление полиэтиленовых пакетов. Скоро и эта самодельщина отойдет, но покамест «копейка капает».

– Пакеты тоже можно использовать, – вставил Борщов, – Говорят, в древние времена для этих целей бычьи пузыри употребляли.

На него посмотрели со снисхождением.

В разгар веселья Александру достали с антресолей Наськину гитару. Ну, как Наськину... Борщов когда-то осваивал аккорды, передал по наследству. Та сходила пару раз на какой-то кружок, выучила две песни Виктора Цоя, обломала ногти и на этом закончила. Александр, морщась, гитару настроил и голосил теперь:

Четвертые сутки пылают обкомы
Идет Перестройки шестая весна
Товарищ Голицын, верните патроны
Комсорг Оболенский, зарыть ордена!

Борщов между тем, почти не таясь, смотрел на Татьяну. Антоновна же, да и Татьяна, обе розовые от вина, с блеском в глазах, упоенно слушали удачливого бизнесмена и подхихикивали и чуть ли не подпевали.

Сколько же лет Борщов был лишен этого – просто видеть блеск в ее глазах? Просто видеть ее.

Помнится, курсе на третьем, когда тайное чувство его уже было нестерпимо, он все решал, не перейти ли Рубикон, не сделать ли первый шаг. Да боялся, что все закончится, что оборвется их эфемерная связь, но ведь могло прийти и счастье... Нет, не счастье, он не мог определить того, чего еще не знал (и не знал, бывает ли оно)...

Однажды на лекции она сидела у окна, а он с другого конца аудитории смотрел на ее профиль – так, что Татьяна не могла перехватить его взгляд. И это было все. Он вдруг понял, что больше ничего и не надо. Счастье просто в том, чтобы видеть ее. А, если и будет взаимность, то не надолго, ведь и Антоновну он когда-то любил (да и сейчас любит, или как это там называется), но потом все стало обыденным, привычным, начались дразги какие-то... Он боялся, что Татьяна станет для него такой же, как все. И исчезнет это щемящее чувство, когда он по утрам ждал встречи, а при расставании грустил...

Глупо это все было. Сейчас он понимал, как это было глупо. Никого он больше не любил и потерял, вероятно, самое важное в жизни.

А что сейчас? Завтра утром они уедут, и, возможно, больше никогда не появятся.

...Антоновна и Александэр вышли в прихожую – то ли разглядывать Товар, то ли квартиру осматривать, то ли с Наськой общаться; а потом и вовсе отправились в магазин за водкой (хватит хлебать эту пахучую дрянь!) или за хлебом – да, неважно, куда. А Настена убежала к подружке...

И они остались вдвоем на кухне. Ему стало как-то не по себе. Вот только что было шумно, весело, все были раскованы; теперь же он с глазу на глаз остался с незнакомой, в сущности, взрослой женщиной, в которой, может быть, совсем ничего и не осталось от той взбалмошной рыженькой девчонки, сидящей у окна.

– Покурим? – предложил Сергей.

– Ой, я уже обкурилась, извини. Лучше не кури. Или, знаешь, ты кури, а я пойду, прилягу. Где у вас можно прилечь? Вымоталась с этой поездкой...

Вот и все. Он, как в омут, хотел броситься в *объяснение*, а она с ним, как со старым, привычным Серегой, при котором можно и вздремнуть и медицинские проблемы обсудить.

Это показалось до боли знакомым. Да, так было однажды. Антоновна, тогда еще просто Мэри, уехала к родителям, а Борщов гулял. После пьянки в общаге они с Гвоздем провожали Татьяну.

Стоял чудный июньский вечер. Шли к остановке, как раз недалеко от дома, где они с Мэри снимали комнату. Татьяна тоже жила недалеко. Гвоздь уже собирался сесть на свой трамвай, а она возьми, да скажи (блеснув глазами): я, мол, перед домом забегу к Сереге покурить. Дескать, по-дружески, по-соседски. Гвоздь наострил уши: «Я, говорит, тоже тогда зайду, время еще детское, домой рано. Посидим, чайку попьем». Сергею бы пинками загнать друга в подъезжающий трамвай, да он чего-то испугался... И они пошли к нему втроем. Курили, пили чай, даже треть бутылки стрельнули у соседа. Потом проводили-таки Гвоздя до трамвая и остались вдвоем у ее подъезда. Рядом случилась беседа. «Еще покурить, что ли?» – предложила она. «Конечно, конечно!» – обрадовался Борщов, страшно надеясь, что они вернутся сейчас к нему. Сели в беседке, зажгли огоньки. И как-то пусто стало без Гвоздя, пропал куда-то и хмель.

Сергей пытался ее разговорить, шутил натушно, но вдруг Татьяна призналась, что ей стало *плоховато*, да еще добавила, как старому приятелю: «видать, залетела девушка». Извинилась и пошла домой, куда он ее уныло и проводил.

А сейчас она лежит на их диване, и он не смеет заглянуть в комнату, чтобы высказать, наконец, то, что надо было высказать еще более десяти лет назад. Да и время ли сейчас? Ей дурно, она, может быть, сразу заснула, и ей вовсе не до запоздалых признаний, которые превратят радостную встречу с *подругой* черт-те знает, во что. Ей это надо? А ему? Он, во всяком случае, обойдется. Обходился же столько лет...

«Тебя, бл..., уволили сегодня, а ты о какой-то неземной любви мечтаешь!» – вернулась ему шурупом в голову неожиданная отрезвляющая мысль.

***

- Кать, чего не звонишь? – это была Леська.
- Телефон был занят.
- У меня?
- Нет, у меня.
- Ладно, давай, ноги в руки, и чеши ко мне на работу.
- Зачем?
- Увидишь. Слушай, мне некогда, я тебя жду. Пока.

Вот всегда она так. Собирайся и беги. Леська – та не будет долго работу искать. За полгода уже в трех местах поработала. Теперь осела в магазинчике по продаже дорогих шмоток – появились такие заведения на просторах нашего города. *Бутики* называются. Кто бы мог подумать – страна не знает, на что покупать еду, а тут кто-то ухитряется платьями торговать по цене поддержанного автомобиля. И, ладно бы, в столице – и у них Тракторозаводске нашелся покупатель! Значит, не все, не все остались у разбитого корыта советской экономики. Да и мало сказать – Леська взхлеб хвасталась успехами их «бутика». А по сути, магазинчика, выкроенного из бесхозного (но не бесплатного!) полуподвала в центре города.

В Леськин «бутик» Катя не заглядывала пару месяцев – тошно было смотреть на всю эту роскошь. А вчера болталась по центру и нос к носу столкнулась с подружкой в кафетерии. Слово за слово, что да как, затащила ее Леська к себе на работу. Посидели, попили кофе в подсобке, покалякали с двумя придурками – ее коллегами по продаже готового платья. Потом пошел покупатель, и подруга встала «за станок». Катя засобиралась домой. Чего сидеть-то, слюни пускать на чужую красивую жизнь... А вечером Олеся позвонила и таинственно так попросила связаться с нею утром. «Зачем?» – «Да, потом скажу». Никак, приглянулась Катя кому-то из этих двух типов, Леська любила такие истории, а уж сводничать... Обожала.

Ну и говорила бы прямо. Да разве скажет? Знает, что может все дело испортить. И вот гадай теперь, зачем звала?

И все-таки Катя надеялась, что это не альковные дела, не до того ей сейчас; она надеялась, что Леська нашла что-нибудь для нее в смысле работы. Не продавцом, конечно – и места заняты, и не пошла бы Катя, ни за что бы не пошла. Торговать! Она же со стыда сгорит, она ж не Леська. Но, может быть, что-нибудь творческое? Консультировать там, аранжировкой заниматься, дизайном? Леська-то закончила педагогический, спортфак – ей как раз бегать по залу, демонстрировать свои накачанные икры. Гимнастка. И характер у нее подходящий, а что такое стеснение давно не знает.

Катя дрожащими пальцами застегивала блузку. Наряжается, как на праздник... Хорошо хоть, осталась пара вещей, которые не стыдно надеть.

В прихожей, разглядывая себя в зеркало, Катя вновь невольно прислушалась к происходящему в бабусиной комнате.

– Я предлагаю директором вас, Лидия Павловна, – слышен был голос Семена, видать, Макаровича.

– Я не могу. Я же на административной должности. Мне не положено.

– Так, значит, мы, пенсионеры, отдуваться должны?

– Пусть Лариса будет директором, – робко предложила баба Варя.

– Да что вы, какой из меня директор... Пусть Семен Макарович, он же мужчина.

– Семен Макарович и так уже главный бухгалтер. Вы, что ли, будете бухгалтером?

– Не... Я не могу бухгалтером. Пусть Варвара тогда.

– Ой! – всплеснула, наверное, руками бабуся. – Да ведь я неграмотная. Я лучше буду заместителем.

– Нашлась неграмотная, что ты несешь-то, Варвара?

– Девочки, девочки, вам бы все шутить! – это Семен, видимо, Макарович.

– Да уж я институтов не кончала, в школе, как ты, тридцать лет не работала, – это баба Варя.

– А все равно на инженерной должности состояла.

– Это только последние два года, когда народ с завода побежал.

– Ну, вот, – горестно перебила ее, судя по всему, предводительница. – И какой мы собираемся бизнес двигать, если не можем ни названия придумать, ни директора выбрать?

– Ладно, я буду директором... – раздался чей-то скромный голос.

«Ха! Занятно...» – подумала Катя. – «Старики-то бизнес задумали».

Жаль, пора было бежать, так и не узнав о дальнейшем развитии событий.

А она, Катька, отстает от жизни-то. Вон, даже эти божьи одуванчики чего-то суетятся, фирму придумали открывать – с настоящим директором и главным бухгалтером. Не сидится им на печи. Интересно, чем же их фирма собирается промышленять? Семечками? На широкую ногу решили это дело поставить?

Что же, в крайнем случае, к ним пойду наниматься. Жарить буду семечки. Так ведь не доверят, на улицу пошлют торговать. Вот ведь, свинство!

Однако она уже летела вниз по лестнице, вперед к своей удаче...

– Олеся где? – спросила она скучающего в пустом зале прыщавого парня, кажется, Васю.

Тот вытаращил глаза. Наверное, не узнал. Ну, еще бы, вчера она была совсем не та, что сейчас.

– Кто? – переспросил он, как глухой, и вдруг ослабил, показал свои лошадиные зубы. Узнал. Ну и фрукт! И как тут таких держат? Никак, по благу. – А, она там, в подсобке.

Леська сидела в тесной каморке, между подставкой для чайника и стопой коробок. Она курила, явно нарушая пожарную безопасность, а по щекам ее текли крупные слезы. Нос был красен и соплив.

– Привет... – сказала озадаченная Катя.

Леська подняла на нее глаза, в которых была бездна отчаяния и безнадёги.

– Кофе будешь? – прогнусавила она.

– Чего реветь? – спросила Катя.

– Да... – махнула рукой Леська. – Бедную девушку любой может обидеть. Надоело все!

У Кати сразу испортилось настроение. Ну, вот, летела сюда, как на крыльях, дура, а тут фигня какая-то. Знать, понадобилась она в качестве носового платка.

– Ты бы сигарету-то потушила, пожар ведь наделаешь, – посоветовала она, продолжая стоять в дверях – внутри места не было.

– А, гори оно все! – поморщилась Леська.

– Что у тебя? – строго спросила Катя.

– Да, кто его знает. Депрессия.

– Ну, вот. Здравсте! Для этого звала? – Кате было обидно за свои надежды, и она не могла сдержаться.

Но тут Леся деловито утерла нос, прокашлялась, затушила сигарету о подошву и сунула окурок в карман форменного красивенького пиджачка.

– Это к делу не относится, – провозгласила она и встала.

– Так будешь кофе?

– Спасибо, не хочу.

– Ладно. Пошли.

Леська бочком выбралась со своего места, вытеснила Катю в коридорчик.

– Айда к шефу. Хотя он мне сейчас и вставил клизму, это к делу нашему не относится.

– Зачем к шефу?

– Зачем-зачем, пошли.

– Постой. – Катя успела схватить Леську за рукав. Вот вечно она так: вставай, пошли; куда, зачем – неважно. – Ты мне толком можешь объяснить?

– Пошли, он о тебе спрашивал.

– Обо мне? Откуда он меня знает? – удивилась Катя.

– Да ничего он тебя не знает. Просто... Ну, короче, он давно спрашивал, нет ли у меня подруги. Примерно такой, как ты.

– Подруги?! Он что, нас в ресторан хочет пригласить?!

– Да, ну тебя! Какой ресторан? Для ресторана он получше найдет. Да и искать не надо. Короче, он спрашивал, нет ли у меня такой знакомой, вроде тебя – образованной, толковой, серьезной.

– Ну? И зачем я ему?

– А я знаю? Может быть, работу хочет предложить? Ты же ищешь работу? А он тебя вчера видел. Ты его не видела, а он тебя видел. Пошли скорее.

– *Какую* работу? – Катя уже изо всех сил удерживала рвущуюся вглубь коридора Леську.

– Да я знаю? Тут я приводила к нему Полинку, помнишь ее? Он ее в кабинет пригласил, а меня не впустил.

– И что она?

– А она не вышла из кабинета.

– Как, не вышла?

– Да так. – Леська залилась смехом. И уже почти не видны были на ее лице следы давешней депрессии. – Не бойсь, у него из кабинета другой выход есть, на улицу. Это было две недели назад, Польша с тех пор не объявлялась. Наверное, не подошла.

– Так может, вовсе не о работе речь?

– А о чем? Ты что, разве он на Полинку клонет? У него, знаешь, какая жена? И любовница. И другие бабы. Даже ко мне не приставал ни разу!

Катя не удержалась, прыснула от смеха. Тоже мне, Мэрилин Монро!

Ладно, чем черт не шутит, надо попробовать, уж больно все необычно. Да и Леська рядом.

Плохо освещенный коридор был узенький; по обе стороны белели двери, всего около четырех. Леська без стука толкнула крайнюю, у тупика.

– Ежова? – раздался чуть удивленный фальцет. – Ты еще здесь?

Леська без ответа отошла в сторону и подтолкнула к входу Катю. Комната открылась перед ней, и она сразу встретилась глазами с енотовидным толстячком, сидящим за столом в глубине комнатки, напротив двери, и застывшим в напряженной позе. Дело в том, что в руках его виднелась стопка денежных купюр, и он их, видимо, пересчитывал. Спиной к двери

и напротив него сидела некая дама, тут же обернувшаяся и тоже глазами-буравчиками пронзившая Катю. Они с Леськой оказались явно не вовремя.

Но уже спустя секунду енотовидный директор расслабился и показал в улыбке хищные зубы.

– А, это ты? Подожди-ка за дверью. Я позову.

Леська торопливо закрыла дверь.

– Блин, напугали людей! – раскрыла она свои глазищи. – Это бухгалтерша наша. Наверное, думали, я им ревизора накатила. Ха! А надо бы ему, гаду!

– Ну, и что теперь? – Катя шурилась, пытаясь сориентироваться в полутьме коридора. Фамильярное обращение к ней предполагаемого начальника озадачило.

– Что-что, жди, сейчас позовет. А я пошла в зал, поди, клиенты набежали.

Ну и дела! Катя не знала, – то ли, действительно, стоять и ждать, то ли идти вслед за удаляющейся Леськой. Оба варианта казались одинаково дебильными. Вот она и стояла перед закрытой дверью чуть ли не в темноте. Как дура.

***

Торги возобновились. Посовещавшись, биржевые начальники все-таки допустили кавказца к соревнованиям. Но тот отчего-то не появлялся.

– Где этот баламут? – оглядывал зал Корбунов. Видимо, идея насчет наличных ему успела понравиться. Тем более, долларов.

– Сдулся, – подсказал кто-то из зала. – Подставной.

Подождали минутку-другую.

Корбунов крякнул и отвернулся.

– Кто заявлял последнюю цену? – спросил, наконец, ведущий. – Тридцать пять...

– Так этот... смуглый... – сердито подсказал Корбунов.

– Стало быть, снимается? – ведущий повернулся за консультацией к красавице-секретарше, и та старательно что-то записала.

– Остается, стало быть, тридцать три? – снова обратил поскучевший взор к публике ведущий. – Этот-то хоть здесь?

«Этот», а именно Тимофей, покосился на входную дверь. Южанин не появлялся.

– Вы, кажется? – услышал Тимофей и понял, что все смотрят на него.

Черт, если сейчас отказаться, могут прогнать с торгов. Теперь он даже жалел, что соперник пропал. Эх, если бы шеф был на месте...

– Он звонить пошел, – выдавил из себя Тимофей.

– Чего? Не слышно вас.

– Не понял. Так что, цена тридцать пять отменяется? – проснулся еще кто-то в зале.

– Выходит так.

– Тогда, тридцать четыре, – поднял руку некто в вязаной кофте.

Тимофей снова заерзал на месте. Против тридцати двух-то он еще мог пойти без согласования, а вот против тридцати четырех... Да, и этот псих с долларами все равно бы не отступился. Но как быть сейчас? Если контора отхватит такую партию лонжеронов, Тимофей получит премиальных... страшно подумать, сколько.

– Минуточку! – на сцену вылез толстый очкарик с бородкой. Тимофей признал в нем биржевого юриста.

В президиуме снова зашептались.

– Господа, внимание! – провозгласил, наконец, ведущий – Тут нам подсказывают. Если заявитель вдруг уходит с торгов, то побеждает предыдущая цена. То есть, в нашем случае,

тридцать три. Этим сохраняется изначальное равенство. Кто-то мог во время перерыва связаться со своей конторой, кто-то не смог...

– Да это же подстава! – вскричал вязаный свитер. – Они заодно!

– Таковы правила. А что, было бы лучше, если бы вашу сделку потом опротестовали?

Пришлось бы платить неустойку.

– Это наши проблемы.

– Мы – солидная организация. Биржа, – гордо заявил юрист. – Действуем согласно Положению.

– Может быть, все-таки, *этого* поищем? – подал голос Корбунов.

– Где ж мы его поищем? Сами выгнали...

– Ну, где-где, у охраны спросите! Все ж таки, с чемоданом. Не случилось бы чего.

«Ну, заинтересовался дядя чемоданом...» – подумалось Тимофею.

Но тут в зале возмутились – желающих до лонжеронов было много, а тут такое неприкрытое лоббирование. Складывается впечатление, что Биржа свои комиссионные собирается получить в неучтенной валюте? Такое смелое заявление высказал вслух вязаный свитер, и тут же был выведен – искать грузина. Ему еще повезло, что был без галстука.

– Обедать пора! – крикнул кто-то с галерки. – А у нас еще половина лотов.

– Может, снимем пока эти лонжероны? – проговорил Корбунов.

И тут Тимофея что-то дернуло вскочить:

– Как это, «снимем пока»?! Я так понял, что моя цена принята?

– Ну, вот, еще и *этот* начал! – процедил раздосадованный Корбунов, плюнул и поднялся уходить со сцены.

Аукционист отчего-то приободрился и как-то даже радостно провозгласил:

– Победила контора...

– «Берлога» – подсказал Тимофей.

– «Берлога»! Лот уходит по тридцать три за единицу. Прошу оформить документы в секретариате.

Орликов на негнувшихся ногах отправился к столику, за которым две сотрудницы биржевого аппарата оформляли сделки.

– Следующий лот. «Катанка в ассортименте»... Цена... Количество... – продолжилась работа ведущего.

Тимофей подсел к столику.

– Вашу доверенность, пожалуйста, – проворковала симпатичная киска в блузке, смело расстегнутой на три верхние пуговицы.

...Собрав оформленные документы в охапку, перемигнувшись с секретаршей («Ну, выгорит дело, я тебя найду!» – пронеслось у него в мозжечке), Тимофей сунул бумаги в кейс. Договор был подписан, и Тимофей практически становился состоятельным человеком. Его комиссионных, как брокера, хватило бы... надолго.

Орликова подмывало прямо сейчас пригласить эту киску (а, лучше, обеих) в ресторан, но до получения денег было еще далековато, а в кармане оставалось только на хороший полдник – для одного. Все, что осталось от телефонного звонка.

Больше здесь, в зале, делать было нечего. А нужно было лететь в контору, порадовать старика Вострюгина да ждать *проплаты* с Новонорильска. Шеф-то, зараза, получит раз в десять больше Орликова, палец о палец не ударив! Эх, жисть!

Ничего, Тимофей теперь сможет купить свое собственное место на бирже...

Но сначала в буфет, в буфет!

Ему казалось, что все смотрят на него, пока он пробирается к выходу из зала. Кейс он на всякий случай взял под мышку – мало ли жуликов даже и здесь. И конкуренты не дремлют. Сейчас хрясь по башке, и умыкнут договор. Давно надо было им телохранителя нанять...

Тьфу, что за паранойя! Еще и не такими тут деньгами ворочают, да и сделка зарегистрирована, что это даст грабителям? Хотя, конкуренты, они, стервы, хитрые...

До буфета, впрочем, он дошел целым и невредимым. Там уже скопилась толпа брокеров-бездельников, вероятно, из контор, торгующих тряпками и колбасой. Пустых столиков не оказалось, и пришлось занять не очень удобное место возле прохода. Зато всего с одним соседом, сидящим напротив Тимофея по диагонали. На закуску Орликов особенно тратиться не стал – переживания отбили аппетит – зато коньяка взял сразу двести грамм, на последние. Сосед попил пиво, и по затуманенному его взору было видно – давно попил. Вид он имел потрепанный. Лет за сорок, в немодном однобортном пиджаке, при галстук в горошек и очках на лбу. На бокал орликовского коньяка он покосился как бы с недоумением и даже некоторым презрением.

Тимофей ненароком огляделся и увидел свое отражение в случившейся рядом зеркальной стойке. А он сам-то не лучше смотрится... Залысины, красно-синюшные щечки, затекшие глаза. Пора заняться физкультурой, блин! Правда, пиджак яркий, красивый. Ничего, он еще поедит тут на белом коне по белым скатертям!

Внезапно он ощутил на себе взгляд от входа в буфет. Не Вострюгин ли снова пожаловал? Но нет, Тимофей успел только разглядеть выходящего из зала человечка с бакенбардами и в маленькой шапочке. Тот, казалось, выходя, взглянул на Орликова.

А ведь это именно окликнул его давеча в проходе, и Тимофей успел услышать про лонжероны! Что было бы, если б не окликнул? Казалось бы, случай, а вон оно как повернулось...

Орликов ощутил в кармане рекламную листовку, переданную ему незнакомцем. Вытащил, покрутил в руках.

«Завтрак для Бизнесменов». Адрес, телефон, все как положено. «Пивом, что ли торгуют?» – подумалось Тимофею, – «Надо будет зайти...»

... – Ну, будем! – сказал сам себе Тимофей и залпом осушил полбокала. Закусывать лимонной долькой он не торопился – ждал, пока живительное тепло рассосется и заполнит все клеточки измученного тела.

– Как там наши сыграли, не знаешь? – спросил сосед.

Тимофей открыл глаза, с сожалением лизнув дольку лимона.

– Чего? – переспросил он.

– Я говорю, не знаешь, как вчера сыграли? – повторил хриплым голосом сосед.

– Кто?

– Кто-кто, «Спартак» на Кубок кубков вчера играл. Утром телевизор включал, включал, ничего не передают, сволочи.

– Не в курсе, – коротко ответил Тимофей.

– А... – понятиливо кивнул головой субъект и повертел в руках почти опустошенный свой стакан.

Кого тут только не встретишь, подумал Тимофей. Может, случайно забрел мужик погреться в буфете? А куда охрана смотрела? Может, они и за вход в здание берут с посторонних? Наверняка, берут. По тарифу. Кому в буфет, кому в туалет.

– Пожалуй, продули, – предположил сосед, помолчав.

Тимофей вежливо пожал плечами. Блин не дает сосредоточиться. Так, так, что там надо сделать-то?

– Кому сейчас играть-то? Добровольского продали, всех продали, – продолжал субъект. – За рубеж. На корню.

– Добровольский, вроде, за «Динамо» играл ... – пробормотал Тимофей.

– А мог бы и за «Спартак» – обрадовался мужик. – Валюты у «Спартака» не хватило, а им, заразам, валюту подавай.

Тимофей в знак согласия вздохнул и полез в кейс за бумагами. Авось, отстанет. Да, бывают в жизни моменты! Надо же, как с неба свалилась эта сделка!

– Не слыхал, скоро ли потеплеет? – снова обратился к нему сосед.

– Пора бы, – ответил Тимофей, перебирая бумаги.

– Да, весна уж на дворе, а все холодина.

– Угу, – Тимофей попытался почитать договор.

– В прошлом году весна ранняя была, – не унимался галстук в горошек, – А зима морозная. А нынешняя зима – дрянь, ни то, ни се, значит, и весна будет затяжная, и лета не будет...

– Не дай Бог, – поддакнул Тимофей. Нет, с бумагами было решительно все в порядке, все равно надо изучать на трезвую голову. Да и стандартный он, договор.

Тем же ворохом, что и был, Орликов сунул листочки обратно в чрево кейса и достал блокнот с ручкой. Сверим планы...

– Э-эх, – мужик вздохнул и уставился на бокал Тимофея. Собственное пиво его, кажется, уже не интересовало.

Между тем, приятная истома достигла затылка, и мир вокруг начал приобретать краски. Дабы не искушать соседа по столу, он влил в себя остатки жидкого обеда. Тот, как по команде встал и пошел к буфетной стойке. Не обращая внимания на очередь, сосед приблизился к Светлане и что-то негромко проговорил ей на ухо. Та цыкнула на недовольных очкариков в очереди и заколдовала под стойкой. Тимофей наблюдал за этим несколько отрешенно, одним глазом. Двумя уже получалось не очень. Чего сию-то? Двигать надо в контору, сливки снимать...

Мужик меж тем вернулся за столик. На подносе у него его дымились две пиалы с бульоном, а за спиной маячила сама Светлана с графинчиком водки и тарелкой копченого мяса. Когда все это богатство оказалось на столе (причем одна порция бульона – перед носом у Тимофея), мужик протянул ему визитку с золочеными буквами:

Загузин Иван Афанасьевич
Председатель Региональной Партии
Республиканской Монархии

***

Словесник Леонид Алексеевич Водоладов, мужчина в расцвете своих сорока пяти лет, утонченный любитель Бальмонта и Сергеева-Ценского, корпел над чтением многостраничного труда. Сочинение носило пышное название: «Как мне переустроить Россию», даром, что было накарябано шариковой ручкой бывшего военрука Загузина.

После их судьбоносного разговора в пивной – у драмтеатра – прошло несколько дней. Майор с энергией, достойной лучшего применения, вцепился в нечаянное замечание сторожа Степаныча: всерьез начал готовиться к выборам. Еще там, за стаканом бормотухи, Загузин определил главные направления:

– Он выдвигается кандидатом от педагогического коллектива (наверное, как самый достойный педагог, а, заодно, самый свободный от учебной нагрузки);

– Для выборов образуется штаб. Председатель – Леонид Алексеевич; заместитель – учительница химии Анжела Ипатьевна. Член штаба – Степаныч. Других подберем позднее.

– На базе школьной стенгазеты выпускается сначала боевой листок, который двоечники в наказание разнесут по почтовым ящикам соседних домов. Главный редактор – Леонид Алексеевич. Потом из боевого листка, из этой искры, разгорится пламя, т.е. настоящая газета с его, Загузина, передовицами на злобу дня.

– В типографии заказываются листовки с яркими и броскими лозунгами от Загузина, его фотографией с орденами и медалями.

– Ищутся спонсоры, равнодушные к судьбам Отечества и собственным выгодам.

– Организуется какая-нибудь партия, которую Загузин и основал бы, и возглавил.

А тогда, наутро после драмтеатра Леонид Алексеевич подивился, как это он всерьез воспринял весь этот бред отставника. В школе он старался не показываться майору на глаза, но тот сам прибежал после первого урока.

– Ну, как, много двоек наставил, Алексеич? – бодро спросил Загузин.

– Хоть всему классу ставь, – поморщился словесник. Мучила печень.

– Это хорошо. Я уж тоже бригаду собрал.

– Какую бригаду?

– Боевой листок разносить.

– А... – Леонид Алексеевич с огорчением понял: вчерашнее было наяву.

– Так что, за тобой дело. Готовь Листок. Объявляй мобилизацию стенгазетчиков. И двоечников, двоечников готовь.

– Вас же, вроде, сократили? – перевел тему разговора на другое литератор.

– Ну, это мы еще повоюем! Да и кто им позволит сократить кандидата в депутаты?! Да я ради этого и уроки труда буду вести. Так что ты готовься. Жду.

– Вот что, Иван Афанасьевич... – словесник хотел было раз и навсегда отказать майору в беспочвенных на него, Водоладова, видах. Но как-то не решился вот так, сразу. Может, само рассосется? Человек, все ж таки стресс пережил с этим сокращением. – Вы мне хотя бы тезисы какие-то дайте, программу.

– Али ты меня вчера не слушал?

– Ну, вчера... Надо бы освежить...

– А я могу сбегать, освежим.

– Ну, что вы – на работе... да и в другом смысле я, – поморщился Леонид Алексеевич. – Я в смысле того, чтоб вы на бумаге все это изложили.

– А ты мне на что?!

– Логично... Ну, хотя бы эдак тезисно, что ли, голубчик. Вдруг я что-нибудь перепутаю.

– Елки-надь! Да я ж тебя для того и беру... Слушай, да записывай.

– Нет, – строго прервал майора Леонид Алексеевич. – Другого разговора не будет.

– Ладно. Хвалю. Будут тезисы, – Загузин развернулся и четким военным шагом вышел из кабинета литературы и русского языка.

Леонид Алексеевич вздохнул тогда с облегчением, веря и надеясь, что майор не сможет связать двух нужных слов или найдет какого-нибудь другого летописца.

Три дня Загузин у словесника не появлялся. По слухам, его видели в учебных мастерских за изучением конструкции табуреток, на соседнем продуктовом пятачке, занимавшимся агитацией среди пенсионеров, в кабинете химии и... в школьной библиотеке. На исходе четвертого дня перед Леонидом Алексеевичем легла папка с содержанием которой он сейчас и знакомился.

Назавтра он должен был представить проект Боевого Листка номер 1.

– А я по спонсорам пойду, – устало сказал напоследок майор. – Да, вот тебе на всякий случай. Вчера растряс директора на закупку новых зубил. И заказал тут... Кстати, это вообще-то твоя работа.

Он протянул Водоладову небольшую стопку белых с золотым тиснением визиток.

Водоладов Л. А.
Помощник кандидата в депутаты

...Теперь перед Леонидом Алексеевичем лежала и стопка рукописи:

«... Россия во все века была страной отсталой и зависимой...»

И прочая и прочая...

Окончив чтение последней строки, Леонид Алексеевич смежил усталые веки и задремал. Приснился ему чудесный сон. Вот майор Загузин, в чине генерал-полковника, стоит на Красной площади...

ГЛАВА 1.4

Борщов проснулся в холодном поту. Он с ужасом вспомнил, что сегодня уже не надо идти на работу. Эта мысль со всей своей беспощадной прямоотой заслонила все, даже жуткое похмелье.

Как жить?

Ему уже почти тридцать шесть. Брошенная докторская диссертация, никому не нужная профессия, измотанная жена, дочь, которая вот-вот вступит в пугающий подростковый возраст... Старика со своей испаряющейся пенсией... Так и не полученная в Институте трехкомнатная квартира...

Брезжил рассвет. Скоро зазвенит будильник, и Антоновна засобирается в свою контору, а Наська – в свою. Ему можно будет поспать (он всегда выходил позже них), хотя какой тут спать...

Зато можно будет взять пива, много пива...

Борщов понял, что страшно хочет пить. Он осторожно встал, пошел в сторону кухни. И больно ударился ногой обо что-то металлическое.

– Ой, ё... – вырвалось у него.

Внизу, под ногами, кто-то со скрипом заворочался. Раскладушка.

– Папа, блин... – раздалось сонное Настино бормотание.

Он еще морщился от боли и на полусогнутых обошел препятствие. Почему тут раскладушка? Зачем раскладушка?

Сходя в туалет, Борщов оказался на кухне. Свет он не включил и начал шарить в поисках чайника. Из-под рук с грохотом и звоном полетели бутылки, бокалы.

Борщов замер. Сердце бухало в груди, в голове включилась часовая бомба. Если он сейчас не выпьет воды, то сдохнет. Елки, а ведь тут могло быть и пиво! Что-то вчера тут было, что-то было эдакое... Сергей дотянулся до подоконника, нашарил спички. Освещенный огоньком стол явил ему неожиданное роскошество. Несколько недопитых бутылок с красивыми этикетками, банки с огурцами и помидорами, селедка – и пиво, целая бутылка пива возле раковины! Кое-как открыв ее, Борщов припал губами к горлышку.

!!!

Отпив половину бутылки, он в изнеможении присел на табуретку. Закурил.

И вспомнил. Татьяну, ее мужа Александэра и их презервативный бизнес. Она здесь, в его доме! А он напился, как свинья, как синяк, а что плел! Что он нес?!

От мимолетного воспоминания (а, может, от сигареты) замутило, и Борщов снова припал к целебному источнику.

Дверь кухни, конечно, открылась, и он разглядел широкое пятно белой ночной рубашки.

– Ты ш-што?! – раздался грозный шепот. – Ты ш-што тут гремиш-ш на весь дом!? Пьеш-ш?

Сергей закашлялся. Антоновна безошибочно нашла во тьме его руку и вцепилась в бутылку. Остатки пива пролились ему на голую грудь и попали на трусы.

– От-дай шшас жже! – шипела она. – Озверел совсем!

Борщов не сопротивлялся. Такое отношение к себе можно было понять. Тень удачливого коммерсанта Александэра (попробовала бы она у *того* отобрать пиво!) встала между ними. Это было в характере Антоновны. Пить, гулять, быть любезной с ним при гостях – и гнобить его по утрам. Господи, сказал он вчера ей об увольнении, или нет? Если да, то неужели в Маринке совсем не осталось чуткости? Или она увидела вчера, как он смотрел на Татьяну? А, может, он ей вчера и *об этом* брякнул?! Нет, этого не могло быть и на автопилоте.

– Иди спать! – громко прошептала жена, – Тебе ш на работу!

Значит, еще не знает, облегченно вздохнул он.

– Дай, докурю-то, – обиженно проворчал Борщов.

– Сейчас, буду я ждать тебя, скотину.

– Иди, чего ждать?

– Тихо, не ори! Разбудишь Настю.

– Ладно, ты иди, я покурю и вернусь, – прошептал и он.

– Щас! Оставила я тебя. Вчера все норовил на кухне лечь спать. Еле оттащили в постель. стыдоба!

Да уж, стыдоба. И это при Татьяне? От огорчения Борщов не стал спорить, сунул сигарету в раковину и по стеночке направился в комнату.

Раскладушку он теперь благополучно обогнул и со стоном улегся на диван. С пива, конечно, полегчало, но заболела голова. И затошнило. Сергей покосился в сторону смежной комнаты. *Они* там.

Антоновна между тем зажгла свет на кухне. В отблеске этого света он с трудом разглядел циферблат настенных часов. А уже седьмой час, скоро пора им и подниматься.

Борщов повернулся набок, свесил лицо с дивана и дышал, как раненый зверь. Вздремнуть не удастся – это он знал по опыту. Да и *им*, наверное, скоро вставать, все равно не дадут уснуть. Интересно, *они* тоже изрядно налегали? По состоянию Антоновны не поймешь. Да и Александэр этот показался ему каким-то *не нашим* человеком. Все больше болтал, чем пил. А Татьяна никогда особой способностью к питию не отличалась.

Увольнение, Татьяна – ну и денек вчера выдался. Почитай, лет десять провел он за изучением Внеземных Цивилизаций. И примерно столько же, нет, плюс три года, проведенных в аспирантуре, не видел он Татьяну.

Попрощался с одним обломком жизни и тут же столкнулся с другим, уже давно дрейфующим где-то в океане памяти. Специально, что ли, судьба подстроила? Выходило, что специально.

За расчетом в бухгалтерию ему предложили прийти через недельку – пока что в кассе денег не нашлось. Стало быть, в Институте сегодня делать нечего. С обходным листком даже и мучить не стали – чего он мог украсть в давно разворованном учреждении? Разве что, две-три книжки в библиотеке, что остались за ним. Да и кому их теперь читать? Народ скоро совсем

разгонят, останутся только директор, главбух да завхоз – сдавать в аренду освободившиеся комнаты.

Первая, вчерашняя боль была острее, теперь она утихла, но пришло отчаяние. Сколько теперь с этим жить?

И ведь что досадно – ясно же было, чем дело кончится. Ну, неужели нельзя было подготовиться, поискать какое-то другое место? Конечно, ближайшее заведение по поискам Внеземных Цивилизаций имелось разве что, в Самаре, или Владивостоке (если и там еще не разбежались искатели), но ведь можно было бы и здесь найти чего-нибудь по специальности. В конце концов, другое что-нибудь придумать. Он все же физик по образованию, какой-никакой...

Все надеялся пересидеть до лета – а там как-нибудь само все образуется. Авось.

Не образовалось. Не пересидел.

Сквозь закрытые веки (уже было почти светло) показалась ему тень. Жена шепотом будила Наську.

Видеть сегодня Татьяну не было никаких сил. Они – такие цветущие и деловые, а мы с Антоновной – такие нищие и затюканные. На стол-то случайным гостям поставить нечего.

Дочь, поворчав, заскрипела раскладушкой. Через минуту-другую дверь на кухню затворилась, женщины его там и продолжили сборы.

Одно радует – Антоновна не утащит с собой все это богатство с кухонного стола. А если и утащит, хрен с ним, дойду до лавки.

Интересно, *им* когда ехать? Надо бы встать, тоже куда-нибудь смотаться.

Он с ужасом представил, что гости могут выйти из своей комнаты в любую минуту. Он, конечно, притворится спящим... А, может быть, придется вставать, здороваться, глупо вспоминая вчерашнее... Ужас!

Надо подниматься.

Но куда идти? И когда вернуться домой? Если сейчас он еще сможет сносно передвигаться, то после ларька будет только один путь – домой и в постель, в глубокий сон. Только одно лечение.

...Часы уже показывали половину восьмого. Сборы домочадцев приближались к своему финишу. Черт возьми, она *его* будить собирается?

В сапогах Антоновна на ковер ни за что не ступит, а орать на весь дом нельзя. Значит, не собирается будить. Значит, обиделась. Нежели все-таки из-за Татьяны? Не из-за пьянки же. Эх, знала бы, с чего он вчера пил!

Заворочали уже ключом в замке. Борщов вскочил, побежал в коридор.

– У, й-ёё! – снова треснулся он о злосчастную раскладушку.

В коридор он прискакал, держа одну ногу подмышкой. Антоновна еще без пальто стояла у зеркала, красилась. Ключом манипулировала уже собранная Настя. Девушки его смотрели на хозяйина дома с любопытством.

– Сдурел, что ли? – спросила жена.

– Ладно, мам, я побежала, – с эдаким презрением произнесла дочь. – Меня там ждут.

– Давай, счастливо. Не задерживайся.

– Угу.

– Дверью не хлопай.

– Пока. Привет тете Тане.

– Иди.

Настя вышла.

– Ну, чего тебе? – спросила Антоновна.

– Это... – прошептал он. – Им когда ехать?

– Вот дает! – расстроилась она. – Весь вечер вчера об этом говорили. Ни черта не помнит, алкоголик! Провалы в памяти начались? Так лечиться пора!

Он промолчал.

– Завтрак я им приготовила. Поезд у них в одиннадцать. Ключ завезут мне на работу. А ты бы как-то поторопился бы, чтоб им твою похмельную рожу не показывать...

– А попрощаться?

– Попрощался уже вчера.

Осторожно ступая на ушибленную ногу, Сергей подкрался к Антоновне и попытался приобнять ее. Получив локтем в живот, покорно повернул обратно. Ничего она не знает ни про работу, ни про Татьяну. Жить можно...

– Правда, пораньше бы исчез, а? – попросила жена, надевая бережно шапку. – Нечего людей пугать. И проветри, дышать нечем. Насмотрелись они вчера... Все наши теперь узнают, какой ты хороший. Стыд! Хоть они-то не знали, что ты за придурок.

– Да уж, не знали, – проворчал Борщов. – Это ты не знала...

Он сделал ей ручкой и скрылся в ванной.

***

Катя стояла в темном узком коридоре и злилась на себя. Прошла минута, другая. Много же у них там денег, сосчитать все не могут... Надо бы уйти, но в торговом зале ей не прошмыгнуть мимо Леськи, не избежать ее расспросов. О «работе» уж и не думалось.

Ну, наконец-то! Дверь отворилась, и из кабинетика выплыла бухгалтерша.

– Заходите, – окатила она Катю подозрительным взглядом.

– А, проходи, проходи, – показалась и енотовидная физиономия директора. Надо же, встал и лично встречал ее у входа.

Катя бочком протиснулась между ним и книжным стеллажом. Директор, маленький такой, шустрый, ловко обогнул угол своего длинного письменного стола, занимавшего девяносто процентов кабинета, и снова оказался в кресле. Кресло завращалось – вероятно, енотоподобный сделал бы полный оборот, если бы не мизерность площадей – и, наконец, посмотрел на Катю.

– Садитесь.

Катя присела на краешек единственного стула.

– Работу ищите? – спросил он.

Катя позабыла все рекомендации мистера Карнеги и сидела, проглотив язык. Это напомнило ей процедуру принятия в комсомол. Она вот так же не могла выдавить из себя хоть одну фамилию руководителей братских компартий. А ведь всех знала – Тодора Живкова, Ким Ер Сена, Леха Валенсы... Нет, Лех Валенса – это что-то из нынешней жизни... Директор, кстати, тоже был похож на перезрелого работника райкома, которому давно было пора на партийную должность, да какие-то комсомольские грехи не пускали. Может быть, он даже и присутствовал на том заседании в комитете комсомола? Лицо подозрительно знакомое...

– Вы – Света? – спросил он снова.

– Катя.

– Пардон, конечно, Катя!

Она кивнула.

– А меня зовут Мстислав Георгиевич. Ваша подруга рекомендовала вас. Мы, не скрою, навели и некоторые справки. Думаю, вы нам подойдете.

– Какие справки? – удивилась Катя.

– Ну, там... Связи остались еще... – туманно намекнул он. – Не скрою.

– Я вообще... – начала Катя, но продолжения не нашла.

– О том, что надо делать, вам сказали?

– Нет, Олеся сама не знает, – вырвалось у Кати.

Мстислав Георгиевич рассмеялся, выпятив свои длинные передние зубы.

– Не знает?

Катя кивнула.

– Так вы не в курсе, и можете, стало быть, отказаться?

Катя нервно пожала плечами. Неужели опять нулевой вариант?

– Работа серьезная, – нахмурил он брови. – Но и перспективы большие. А вы, я вижу, человек ответственный, наверняка, пойдете дальше. Дело в том, что мы расширяем свой бизнес. Тесно стало нам в этих, хе-хе, стенах. Наши иностранные партнеры требуют от нас увеличения *объемов продаж*, они готовы предоставить значительные *товарные кредиты*. Улавливаете?

Катя на всякий случай кивнула.

– Молодец! – похвалил Мстислав Георгиевич. – Вы ведь у нас по профессии искусствовед? Значит, должны разбираться в прекрасном. Посмотрите, какой дизайн!

Он исчез под огромным своим столом, зашуршал там целлофаном и, наконец, покраснев от натуги, вытащил наружу внушительных размеров коробку. Яркую, красочную, из-под телевизора «Филипс».

– Во! – радостно изрек директор.

Катя недоумевала. При чем тут ее искусствоведение и телевизоры?

– А что у нас там внутри? – продолжал с пафосом енотовидный. – О, какая красотища!

Он вынул шуршащую, блестящую, играющую красками упаковку.

– Пожалуйста! А вот еще, – другая упаковка была вынута с изяществом завязанного фокусника. – А вот еще! Мэйд ин Франсе...

Упаковки, выложенные перед Катей, были, без сомнения, привлекательны на вид. Она попыталась прочесть надписи на целлофане, но познаний во французском не хватало.

– Разве вам не хочется стать обладательницей такой красотищи?

Катя напряженно всматривалась в упаковки и догадалась высказаться:

– Но я не собиралась ничего покупать.

– Почему? – искренне удивился директор. – Изумительный товар!

– Да, как-то не планировала покупок, – глупо улыбнулась Катя.

– Денег, что ли, нет? – прямо спросил Мстислав Георгиевич.

– Ну, наверное, не хватит.

(«Справки он навел... мог бы и знать, что безработная она»).

– Вот! Но вы же купили бы, будь у вас деньги?

– Не знаю...

– Это главное! – прервал ее он. – Главное, что вам *хочется* стать обладателем этих прелестных вещей. Так ведь?

Кате стыдно было признаться, что она даже не понимает, что, собственно, в упаковке – и только неопределенно повела головой.

– Естественно, – гнул свою линию директор. – Вы ведь даже цену не спросили. Дешево, достаточно дешево для такого дизайна, такого качества. Эксклюзив.

Катя осторожно взяла упаковку, повертела ее в руках.

– Вот, – поскучнел вдруг он. – Буржуи дают на *консигнацию*.

– На *что*?

– На консигнацию. Товарный кредит с отсрочкой платежа. На много тысяч долларов. Всяких таких прелестных штучек. А у нас магазин готового платья, такой товар здесь не продашь. Вот и надо заняться изучением рынка, динамики спроса. Желаете заняться?

– Ну, наверное ... – неуверенно предположила Катя.

– Молодец! – воспрянул духом Мстислав Георгиевич.

– Но я не знаю...

– Научим. Этому мы научим. Начальный капитал у вас есть?

– Что?

– Значит, нету. Ну, ладно. Наша компания тем и хороша, что дает начинающим бизнесменам шанс поднять свое дело практически с нуля. Представляете, всего месяц-другой упорной работы, и вы, человек, можно сказать, только что с институтской скамьи, подниметесь до начальника отдела продаж. Разве такое можно было представить в советские времена? Эх, мне бы сейчас скинуть десяток-другой годков, какими бы делами я мог ворочать! Впрочем, о чем я? Да, для начала нужно изучить рынок, динамику спроса... Нужно научиться работать!

Тут дверь с шумом распахнулась и в кабинет начал вваливаться некий субъект с такой же коробкой из-под телевизора в руках. Он чуть было не взгромоздил свою ношу прямо на Катю, видимо, не разглядев ее, но директор живо вскочил и замахал руками.

– Столешников! Куда прешься?! Не видишь, я занят? Выйди-ка!

Молодой человек испуганно отпрянул и с трудом вытеснился обратно в коридор. Мстислав Георгиевич снова явил чудеса ловкости – подскочил к двери и задвинул щеколду.

– Дела, дела! – посетовал он, уже более не усаживаясь на свое место, а стоя рядом с Катей. – Значит, так. Подумайте, и, если надумаете, приходите завтра к восьми тридцати с паспортом, дипломом, трудовой книжкой и пятидесятью рублями. Оформим трудовое соглашение – и вперед.

– А что делать-то надо будет? – удивилась Катя.

– Гхм, – раздраженно кашлянул Мстислав Георгиевич, косясь на дверь. – Получите под расписку товар и – вперед. Ладно, завтра и поговорим.

В дверь уже ломились.

– Короче, берите образец, можете пока начинать. Раз уж вы сейчас не при деньгах, – директор торопливо сунул ей в руки хрустящую целлофановую упаковку. – До завтра. Вот адресок, куда приходите. В восемь тридцать, не опоздай!

Он сунул ей в руку клочок бумаги, где был нацарапан «адресок». Катя, понимала, что аудиенция окончена, бросила пакет в сумочку и поднялась.

– Нет, не сюда, – не пустил он ее к двери. Оказалось, что за шторкой, сбоку от стола, был еще один выход. Он отпер потайную дверцу и выпустил Катю. Выйдя, она оказалась прямо на тротуаре, недалеко от главного входа в магазин.

Свежий ветер перемен коснулся ее щек. Это было кстати – после душного полуподвала – и Катя непонятно чему улыбнулась. Проходящий мимо парень подмигнул ей. Она готова была ответить тем же. Отойдя в сторонку, Катя достала Образец и снова попыталась разобрать надписи. Много чего было тут написано, но всё не по-русски. На ощупь что-то мягкое, нежное. Может быть, белье? Зайти, спросить у Леськи? И вообще, попросить ее объясниться. Ничего ведь Катя пока не поняла. Что за товар, что за изучение спроса? Впрочем, нет. Леська начнет опять туману напускать, запутает только. Лучше уж подождать до завтра.

И все же, и все же...

Она решительно постучалась в потаенную дверь. В зарешеченном окошечке показалась испуганная енотовидная физиономия.

– Откройте на секунду! – крикнула Катя.

– Чего тебе? – высунулся в дверную щель хозяин. За спиной его маячил тот самый парень, громко и нецензурно выражаясь. Уже без коробки.

– А что это? – прямо спросила Катя, показывая целлофановую упаковку.

– Тьфу ты, темнота! Прокладки! Французские. Работай, – тявкнул он и захлопнул дверь.

***

Тимофей Орликов и Иван Афанасьевич Загузин ловили тачку. Нужно было срочно захватить в контору, взять денег. Тимофей был воодушевлен. Не успел он заработать свой первый миллион (практически наверняка), как представилась возможность спонсировать целое политическое движение, засветиться в печати... Богатство, власть и слава сами текли в его руки.

Думается, под заключенный им контракт уже можно взять в конторе некоторую субсидию – хотя бы задержанную зарплату за прошлый месяц. Хотелось щедро угостить нового знакомого. Долг платежом красен

– Я тоже водителя отпустил, – бормотал Загузин, скрываясь за спиной длинного, похожего на поднятый шлагбаум, Тимофея.

– А чего, я на торги пешком ездю. Все равно весь день тут торчишь. Надо было мне в контору позвонить, но радиотелефон забыл.

– Я тоже, – вздохнул Загузин. – Да я его и не беру никогда. Батарейки садятся.

– Ну, – согласился Тимофей. – Замучаешься заряжать. («А на фига ему радиотелефон, если он его не берет никогда?») – пронеслось в усталом мозгу)

Машины на их зов останавливались, но за ту пару трамвайных остановок, что предстояло ехать до «Берлоги», заламывались такие цены, что дешевле было вернуться в буфет. Если бы были такие деньги.

Тимофею не хотелось признаваться, что карманы его пусты, и он ссылался на срочную необходимость посетить офис. А потом, мол, в соседнем ресторане они продолжают обсуждение планов дальнейшего сотрудничества.

– Да, да, я готов побеседовать с вашим руководством, – в который раз повторял Загузин И. А.

– Зачем с руководством? Это ж дремучие в политике люди! Я сам смогу все организовать в лучшем виде, – возражал Тимофей. – А они вам только голову заморочат. А жадные! Ни копейки в перспективное дело. Все в оборот, в оборот, только в сиюминутную прибыль. Вот, купили вагон этой дурацкой арматуры...

– Поглядим, поглядим, – как бы соглашался Загузин.

– Ладно, поехали на трамвае, что ли? – наконец, сдался Тимофей.

– Далеко?

– Три остановки.

– Елки-надь, пешком бы быстрее дошли...

Они отправились к трамваю.

– Давно я на общественном транспорте не ездил... – проговорил, как бы в сторону, Загузин И. А.

– Я тоже... – соврал Тимофей.

В салоне к ним сразу подкатила кондуктор и уставилась почему-то на Тимофея. Тот надеялся, что новый знакомый заплатит хотя бы за себя, но Загузин И. А. жадно отвернулся к окну, словно впервые увидел город.

– Ну? – спросила кондуктор.

Орликов принялся шарить по карманам. Других пассажиров для нее уже не существовало.

– Чего вы смотрите? – потерял терпение Тимофей, – Я что, похож на зайца?

– Вы или оплачивайте за проезд, или вылезьте. – грозно начала женщина.
– *Оплачивайте проезд* или *платите* ЗА проезд, – веско поправил ее Тимофей.
– Чиво? – возмутилась кондуктор. – Щас пойдешь пешком. А вы, товарищ? Проездной, так показывайте. Встанут, и едут!

Загузин И. А. вынул из кармана красную книжечку и сунул под нос начальнице трамвая.

– Вижу, – буркнула она. – А друг ваш – почему без документов?

Загузин И. А. поманил ее пальцем и прошептал что-то на ухо. Та покраснела, улыбнулась чему-то и отошла. Тимофею стало даже неловко, что такого человека приходится везти на трамвае.

Брокерская контора «Берлога» снимала офис в гостинице «Центральная». Номер, бывший полулюкс, был поделен перегородками на три маленькие комнатки. Зато здесь были высокие потолки и отдельный санузел. Самую большую комнату занимал директор конторы Вострюгин; в той, что поменьше, располагалась бухгалтерия; в самой маленькой (возможно, бывшей кладовке) стояло четыре стола брокеров. Собственно, брокером, посещающим биржу, числился один только Орликов. Другие столы занимали коммерческий директор фирмы, старший менеджер и водитель-экспедитор. Коммерсанты обычно мотались по командировкам или базам. Водитель, если не был занят в конторе, занимался извозом. Вообще, офис часто пустовал – каждый был занят какими-то своими делами, в том числе, директор. Складывалось впечатление, что контора нужна была ему, Вострюгину, постольку поскольку – то ли для отмыwania каких-то левых доходов, то ли для престижа. Она, вместе со всем своим содержанием, якобы перешла Вострюгину от съехавшего в Израиль дальнего родственника по жене. Но это было еще до Тимофея. Сам шеф раньше занимался шоу-бизнесом (пока русские рокеры не затерли старую гвардию), а еще раньше работал на заводе руководителем драмкружка. По-настоящему делами управлял коммерческий директор Ермачов, который большую часть сделок, похоже, пускал в обход конторы, а текущие дела спихивал на менеджера. Менеджером был свежий выпускник ветеринарного техникума Коля, племянник Ермачова. Тот к работе относился как к учебе в техникуме – садился за бумаги только тогда, когда совсем уж нечего было делать. Ермачов больше таскал его с собой на переговоры – за пивом там сбегать, за сигаретами... Водитель-экспедитор, если не калымил, дремал в кресле за компьютерным «тетрисом». Словом, все дела конторы плавно перетекали к Тимофею. Орликов был с таким положением не согласен, но тянул, тянул...

На Биржу он ходил раз в неделю, а остальное время вел напряженные телефонные переговоры, в основном пустые. На сленге коммерсантов это называлось «гонять порожняк». Начала цепочки еще никогда не удавалось поймать. Звонил некто из Ленинграда и просил, допустим, сорок тонн алюминия. Тимофей открывал свои записи и начинал набирать всех подряд, кто хоть как-то мог поспособствовать добыче металла. Если звонок шел с междорода, открывался местный бизнес-справочник «КонтактЪ». Орликов забрасывал звонками насчет этих сорока тонн человек двадцать. Уже через пять минут поступали ответные звонки: есть, цена такая-то, в наличии столько-то. Потом опять звонок: нашел, цена эдакая, в наличии нет, но обещали завезти. Потом опять – лежит тонн 15, но в Магадане, надо ехать смотреть. Отзваниваться заказчику Тимофей старался не торопиться, выбирая что-то более-менее реальное. Сильно мешали фантазии насчет будущих барышей от этих сорока тонн.

Наконец, он решался. Звонил и предлагал самый выверенный вариант.

– Какой алюминий? – спрашивали на том конце цепочки.

– Вы час назад звонили, спрашивали...

– Я не звонил. Может, Серега?

– Может, и он, – терял терпение Тимофей.

– Ладно, его сейчас нет на месте, я передам, позвонит.

Или

– А где лежит?

– У нас.

– А можно посмотреть?

– Хм... Так-то можно, но...

(называть заказчику адрес, где «можно посмотреть» – это сразу поставить на сделке крест)

– Ну, хорошо, мы подумаем.

Или

– Спасибо, мы уже купили.

Как купили? Да вы всего час назад искать начали!

Ну, а потом начинался обратный процесс. Его заваливали кучей предложений насчет алюминия, а заодно меди, никеля и зачем-то листового железа. Ближе к вечеру круг замыкался: Тимофею звонили с просьбой срочно продать сорок тонн алюминия, но звонили уже не из Ленинграда, как вначале, а из Башкирии. Кончалось тем, что в курилке он встречался со знакомым брокером из соседней конторы и тот рассказывал, что с утра искал алюминий, сорок тонн для москвичей, но те заявку сняли, потому что подрядчикам срезали финансирование. Тимофей ему в который раз предлагал свою арматуру, но тот качал головой, мол, у них самих ее до фига...

Домой он уходил с квадратной головой, ну, и, конечно, заскакивал сбросить стресс в ближайшую пивную. Для начала.

Другие отделы конторы особой усидчивостью не блистали. Бухгалтерша появлялась раз в три дня (у нее на плечах было еще пять фирм), экономист Любаша вообще занималась неизвестно, чем; она приходилась Вострюгину то ли сводной сестрой, то ли внучатой племянницей.

Ну, и еще Ксюха, секретарша. За три месяца работы в конторе Тимофей ни разу не то, что не переспал с нею, но даже в щечку не поцеловал. А так вначале рассчитывал, едва увидел это глупое, смазливое создание. Ермачов сразу предупредил его, что секретарша – подруга Бабая. Кто такой Бабай, Орликов пока не знал – видимо, не положено было по чину – но влечение к секретарше как-то подугасло.

Вот, собственно, и вся контора, если не считать еще девяти «мертвых душ», иногда появляющихся в офисе за зарплатой. По всему выходило, что эту зарплату биржевого предприятия обеспечивал не кто иной, как Тимофей Орликов. Во всяком случае, должен был. Надо ли говорить о том, что Тимофей мечтал о собственном месте на бирже, когда все доходы будут принадлежать исключительно ему самому. А если он и будет платить *своим* сотрудникам, то уж не те копейки, что получал он здесь (и те крайне нерегулярно).

И *работать* они у него будут, а не шляться неизвестно где.

...Приятели зашли в холл гостиницы.

– Вы меня здесь обождите, – остановил Тимофей Загузина И. А.

– Да я провожу...

– Нет-нет, у нас на этаже пропускная система...

– Обижаешь, – улыбнулся Загузин И. А. и полез в карман за красной книжечкой.

– Давайте вот как сделаем, – нашелся Тимофей. – Вы проходите в ресторан, располагаетесь там, закажите что-нибудь по своему вкусу. Я мигом вернусь.

Магическое слово «ресторан», похоже, поколебало прыть Загузина И. А., и он дал ответи себя в соседствующее с холлом заведение.

Тимофей не стал ждать лифта и пешком рванул на пятый этаж, где располагались конторы.

Ну, правильно: когда не надо, вся бригада в сборе – и шеф, и Ермачов, и «студент», и даже бухгалтер Софья Кондратьевна. Тимофей прикидывал, выложить ли стомиллионный контракт, подписанный им на бирже, сразу на стол Вострюгину, или сначала попросить прибавки к жалованью. Когда еще от контракта образуется *его* доля?

– Во! Наш брокер идет! – радостно воскликнул Вострюгин. – Ну, что, продал арматуру? Тимофей криво ухмыльнулся.

– Опять мимо? – отчего-то светился шеф, принимаясь.

– Кому она нужна? – буркнул Тимофей, отводя лицо в сторону.

Сидящий в кабинете шефа Ермачов хмыкнул.

– А вот они продали, – сообщил шеф, указывая на своего заместителя. – Даже дороже.

Тимофей не нашелся, что ответить. Ну, продали, ну и фигли? Тоже мне, коммерсанты...

– Поздравляю. Никак теперь зарплату выдадут? – пошутил он.

– Выдадут, выдадут... только не всем, – как-то недобро проговорил Ермачов.

– Когда же нам биржа-то доходы будет приносить? – вознес глаза к потолку Вострюгин.

– А я всегда говорил: не тем мы на бирже занимаемся! – воскликнул в предвкушении своего триумфа Тимофей.

– Да? – поднял брови шеф.

Поняв, что минута настала, Орликов открыл кейс. В волнении он никак не мог отыскать те заветные листочки. Одну за другой он выкладывал на стол директора какие-то гарантийные письма, факсы, накладные...

– Макулатуру собирал? – поинтересовался Ермачов.

– Между прочим, я пытался связаться с конторой в разгар торгов... – многозначительно сказал Тимофей, понемногу очищая свой чемодан.

А! Вот и они – эти три драгоценные бумажки.

Тимофей бережно положил их перед Вострюгиным.

– Что тут? – хищно наклонился шеф. – Контракт какой-то. На-ка, я без очков.

Он передвинул бумаги Ермачову. Тот недоверчиво принял верхний лист.

– Лонжероны, м-м... – молвил Ермачов потеплевшим голосом, – Ну-кась, ну-кась...

Он взял лист двумя руками, вчитываясь. Тимофей наблюдал за ним с учащающимся дыханием. Вострюгин взялся за сигареты, хоть и не курил уже две недели. Ермачов кивнул, еще раз кивнул, хмыкнул удовлетворенно. Взял другой листочек, тоже закурил. Недоверчиво покачал головой, что-то бормоча. Постучал пальцем на калькуляторе. Сказал: «ну-ну». Отложил второй лист, взялся за третий. Удивленно-восторженно посмотрел на шефа, потом на Тимофея.

– Три тысячи лонжеронов в квартал! – пробормотал он и икнул.

Потом Ермачев снова хищно схватил первый листок, еще зорче всмотрелся. Нахмурился, поднес бумагу прямо к глазам.

– Ты почем их купил?! – бросил он листок на стол.

– По тридцать три... – немая, молвил Тимофей.

– По тридцать три!? По тридцать три!!! По тридцать третьей бы тебя!..

– А что? А что? – забеспокоился шеф, уже засобиравшийся было за коньяком.
– Ё-моё! – схватился за голову Ермачов. – Он нас разорил.
Вострюгин сел туда, откуда встал.

***

Майор Загузин был калач тертый, и не стал заказывать больше ста грамм с салатиком из морской капусты. За это он мог расплатиться самостоятельно. Мало ли, какие нравы у акул капитализма?

Этот малый, вроде, ничего, впечатление, во всяком случае, производит. Модный пиджак, пальтишко длинное, морда представительная, и все такое... Из тех шалопаев, что крутились в буфете во время торгов, Загузин никого не мог отметить – так, заочники какие-то, даром, что с брокерскими карточками на груди. Несolidный какой-то народец. Да и бедны, наверное, как церковные мыши – уж слишком суетятся, пьют одну минералку. А этот зашел степенно, коньяку взял, читал *бумаги*.

Разве что безлошадным оказался, не говоря уж об охране. И в контору не пригласил. Впрочем, кому не хочется подсуеиться, перехватить все *политические* дивиденды в одиночку?

Дел была еще уйма. На Алексеича-словесника надежды мало. Надо бы другого штабиста поискать, лучше всего, бабу бы какую пробивную. Вот, хоть химичку бы уговорить, она – то, что надо. Да и вообще она... И спирт, опять же. Надо агитировать ее срочно... А Алексеич пусть передовицы пишет.

Эх, сейчас бы хоть какой-нибудь взводик солдат, взорвать к чертовой матери этот обком, или как оно теперь называется? То бишь, не взорвать, а захватить. Депутатов – на гарнизонную гауптвахту, исполком – к стенке. И захватить власть.

Взвода бы хватило.

Непонятно все же, чего они там намудрили в прошлом августе? Это оттого, что зажралось командование, жиром заплыло. Ни хрена уже не могут. А молодежь, навроде него, никак к власти не подберется. Значит, отсюда, снизу и надо начинать.

Ладно, войска мы еще успеем подтянуть. Надо для начала мирные методы испробовать. Основанные на военной науке!

Архиважный вопрос – деньги. Он и так потратился на визитки, а надо еще заказывать в типографии листовки, да и на пропой сколько ушло... Одному себе сколько ушло, не говоря уж о спонсорах. Хоть спонсор пока один, но тоже, зараза, пьет изрядно. Почитай, уже всю заначку истратил майор.

Между тем, сто грамм закончились, а Спонсор все не шел.

– Слышь, боец, – подозвал Загузин официанта. – Мне надо за товарищем отойти наверх, в офис, а ты сделай нам еще по сто пятьдесят, и горяченького.

– А деньги? – лениво спросил официант.

– Ну, дак, елки-надь, я и принесу деньги.

– Не-е, – привычно покачал головой официант. – Вы сначала за это расплатитесь, а потом и заказывайте.

– Дак ведь у него деньги-то, а?

– Не знаю, не знаю. Что ж вы кушаете, пьете, а денег нету...

Загузин, крикнув, полез было за последними грошами, но, передумал, нащупав в кармане номерок.

– Слышь, у меня там в гардеробе шинель парадная висит, я без нее, сам понимаешь, никуда не денусь. Возьми пока бирку.

Привыкший ко всему официант согласился, но пошел смотреть шинель. Никакой шинели там не было.

– Ёлки-надь! Я ж сегодня в гражданском, – вспомнил Загузин. – Вон моя курточка.

– Че-то не особо какая-то курточка, – неуверенно молвил официант.

– Это ты брось! Кожа натуральная. Тьфу, да на вот, часы возьми. Командирские.

Официант часы забрал, приставил к уху.

– Да ходят, что ты! – осерчал Загузин. – Лады?

Официант пожал плечами, стало быть, не возражал.

– Э, постой-ка, если мы с ним вдруг разойдемся... Увидишь здесь такого (Загузин развел руками) ... а, впрочем, ладно...

Он сбегал к вахте узнать, где снимает офис контора «Берлога». Его отправили на пятый этаж, куда он и вбежал пулей.

За столом у входа на этаж дремал охранник.

– Пропуск! – проснулся он. По запаху, что ли, чуял посторонних?

Майор сунул ему под нос красную книжицу.

– К кому? – подобрел охранник.

– «Берлога» где квартирует?

– Берлога в лесу.

– Тьфу, ты, остряк, твою-то! В каких войсках служил?

– ПВО, – вытаращил глаза охранник.

– Оно и видно. Ты в список-то глянь, вон он перед тобой.

– А че?

– Мне фирма нужна. «Берлога» называется.

До охранника дошло, и он, наконец, сообщил номер нужной комнаты.

Загузин нашел ее в конце коридора. Дверь была открыта, и он заглянул внутрь.

– Вы к кому? – встретила вопросом какая-то накрашенная девка, сидящая в предбаннике за компьютером. Очевидно, секретарша.

Майор зашел в помещение целиком.

– Мне бы, э-э, – он осмотрелся. Дверь в одну из комнат была отворена, и он сразу увидел того, длинного. – Мне сюда.

И твердо шагнул к открытой двери.

– Постойте! – воскликнула девица. – Вас как представить?

– Представьте меня голым! – майор был уже на пороге.

Перед ним открылась следующая картина. У окна за громадным столом восседал толстый мужик, откинувшийся на высоченную спинку кресла. Левой рукой он держался за сердце, правой сжимал какие-то бумаги. Напротив него, обхватив голову руками, сидел седоволосый хмырь с сигаретой в крепких зубах. Над ними участливо склонилась опрятная женщина средних лет. Новый знакомый Загузина стоял возле нее – прямой, как столб, красный, как рак, с взъерошенными редкими волосами.

На майора никто не обращал никакого внимания.

– Вы бы это *ей* высказывали, – бубнил его знакомый.

– Она-то тут при чем?! – возмутилась участливая женщина.

– Как, то есть, «при чем»? Я, как дурак, прорываюсь к телефону, чтобы позвонить, согласовать, как все нормальные люди, а вас никого нет на месте, – в свою очередь, возмутился Длинный.

– Ну, а она?

– А она даже не может найти нужную бумагу, которую обязана была подшить!

– Чё случилось? – подала голос та самая девка из приемной.

– Ну-кась, идите сюда! – позвал толстый, видимо, главный здесь начальник.

Секретарша испуганно прошмыгнула мимо Загузина. А попка у нее ничего, почти как у химички, отметил майор. Девица напомнила ему первую его любовь, штабную телегра-

фистку, живо напомнила. Подумать только, сколько таких девок насажает он в свой будущий офис! И обязательно оденет всех в военную форму. Впрочем, он отвлекся.

– Где письмо из Новонорильска? – спрашивал между тем толстяк у секретарши.

– Тута все, – та наклонилась к шкафу за папками, отчего край юбки ее поплыл вверх, и все мужчины на время забыли предмет своих разбирательств.

Но не надолго. Теперь все присутствующие склонились над папкой, выложенной на стол. Кроме Длинного. Тот смотрел на эту суету как-то презрительно-отстраненно.

– Вот оно письмо, – говорил толстый. – Из Новонорильска.

– И где тут про лонжероны? – подал голос седовласый. – Я же говорю, то был заказ из Самары. Нафига Новонорильску лонжероны? А где факс из Самары?

Снова все склонились над папкой.

– Нету чё-то, – потерянно сказала девка.

– «Нету чё-то...» – передразнил ее толстяк. – А где он?

Секретарша молчала. Потом встрепенулась.

– Так я, это, Орликову и отдала! – она показала пальцем на Длинного.

– А копию почему не сделала? – укоризненно спросила участливая женщина.

– Не успела. Но я точно *ему* отдала. Как сейчас, помню. Вот прямо отсюда, из скоросшивателя вытащила. Он срочно просил.

– И где оно? – посмотрел на Длинного толстяк.

– А? – очнулся тот, – Что?

– Где факс из Самары?

– Какой факс? При чем тут Самара?

– Заказ на лонжероны – из Самары! – терпеливо проговорил седовласый.

– Как из Самары? Из Новонорильска! – заспорил Длинный.

– Ты факс найди!

Орликов открыл свой кейс, зашелестел бумагами. Бросил им на стол помятую бумажонку, слегка скрученную, наподобие древнего свитка. Факс. Такие Загузин уже видел.

– Вот оно, из Самары. При чем тут Самара?

– Ну! Конечно! – горько обрадовался седой, сразу вчитавшись в листочек. – Вот они, лонжероны. Вот и максимальная цена – *тридцать*! А я что говорил?

– Мама рОдная! – воскликнул толстяк и снова откинулся на спинку кресла.

Участливая дама мигом оказалась возле него.

Длинный озадаченно читал злополучный факс.

– Но я... но это... – бормотал он.

– Гражданин, вам кого? – вдруг поднял глаза на Загузина седовласый.

Майор замялся, но, вспомнив, кто он и зачем, шагнул к столу.

– Прошу, – произнес он и подал седому давно приготовленную визитку.

– «Партия республиканской монархии...» – вслух прочитал тот. – Что за чушь? Что вам надо, собственно?

Загузин обиженно приосанился. Тут его заметил Длинный и некстати буркнул:

– Это со мной человек.

– С тобой?! – испуганной воскликнул толстяк. – Вы что, представитель Продавца?!

– Нет, я ... – начал майор.

– А не представитель, так зачем, так почему? – невнятно спрашивал толстый.

– Мужчина, у нас тут совещание, – проговорил седовласый. – Ксения, почему в кабинете посторонние?

Девка-секретарша попыталась было вытолкнуть Загузина в коридор.

– погоди! – возмутился Загузин. – Я тут не просто так, я по приглашению.

– Кто приглашал?

- Вот он... – указал майор на своего нового знакомого с сомнением.
- Он?! И что вам надо?
- Ну...
- Тогда подождите в приемной. У него не здесь рабочее место. В другой комнате.
- Да я, собственно, могу и с вами побеседовать. Кто тут главный?
- Я ж вам русским языком говорю: у нас совещание. Ксения Патрикеевна!
- Ну что вы, хосподи! Вам же говорят, – девка вцепилась в загузинский рукав.
- А он скоро? – спросил-таки майор.
- Сейчас, сейчас, уже скоро, уже *очень скоро!* – хищно осклабился толстяк, потирая руки.

Загузин был выведен, и дверь за ним захлопнулась.

ГЛАВА 1.5

«Куда эта змея всё попрятала?» – выходил из себя Борщов, вспоминая россыпи недопитых емкостей в той предрассветной кухне. – «И я хорош. Нет, чтобы сразу бутылку заначить...»

Он мерз, ожидая открытия пункта приема посуды.

Сергей мог поклясться, что Антоновна не заходила утром в Наськину комнату, где спали *они*. Все другие закоулки квартиры он обыскал сразу после ухода жены – никаких следов вчерашнего пиршества. Не унесла же она все добро на работу? Нет – ведь он лично провожал ее в дверях!

По иронии судьбы (хотя, какая уж тут ирония?), денег у Борщова тоже не было. Точнее, Антоновна оставила ему незначительную сумму на обед, которой едва бы хватило на пару бутылок пива. Не оставалось ничего, кроме как сдавать посуду.

А тут еще мороз ударил вовсе не весенний. Градусов десять в минусе, не меньше. И домой нельзя, там они, *Сундариковы*. Эх, Таня, Таня...

Борщов разрывался между желанием сразу взять пива, на сколько хватит денег, и необходимостью сначала сдать посуду. За пивом нужно было топтать в один конец квартала, а с посудой – в другой. Совместить они, собаки, никак не могли. Конечно, это не кошмарные горбачевские времена, но и не целительные семидесятые, когда похмелиться можно было хоть в шесть утра.

Может, вернуться домой, раскрутить Александэра!

Куда там... Тот, поди, и не похмеляется.

К приемному пункту подтягивались утренние пташки. Время подходило к девяти. По разговорам Сергей понял, что открывают обычно не раньше половины десятого. Ладно, делать нечего. Чем брать бутылочное в гастрономе, лучше уж затариться разливным. Банку он прихватил. По деньгам выйдет литра три. И на сигареты останется.

Если поезд у них в двенадцать, то в десять они отчалият. Настя раньше трех из школы не вернется. У Антоновны, есть надежда, отгулов не образуется. На три литра времени хватит. А там будем думать.

Заняться в ожидании приемщиков было решительно нечем. Только прыгать, как воробью, постукивая нога о ногу. Увольнение, Татьяна – все это сейчас было далеко. А вот стоящие рядом старушки и алкоголики – позвякивающее племя – были куда ближе и значительнее в системе утренних борщовских ценностей.

Старушки вели, конечно, единственный разговор – о ценах, о проклятом Гайдаре и распроклятом Ельцине. Мужики, кто попьанее, спорили с ними.

Всю эту политинформацию Борщов ежедневно впитывал в утреннем транспорте, да и позже – на работе. Поэтому слушать было тошно и неинтересно. Голова было пустая-пустая, и сам он чувствовал себя эдаким надутым шариком, который вот-вот унесет случайный порыв ветра.

Ноги зябли, руки зябли. Сумка с бутылками была тяжелой, а на землю становиться не хотела, валилась набок. От курева на голодный желудок было противно. Хотелось бросить все к чертовой матери – и бежать отсюда куда подальше.

Но куда? Домой нельзя, на работу – где она работа? Некуда отсюда бежать.

Наконец, народ, уловив какие-то ему одному ведомые признаки, зашевелился, начал выстраиваться в очередь. Борщов оказался среди первых.

Ровно в 9—30 из двери соседней булочной вышел мужик в синем халате и с каменным лицом. Он проследовал к воротам приемного пункта.

– Тара есть? Деньги есть? По 0.7 принимаете? – засыпала его вопросами аудитория. Вопросами чисто риторическими. Открыв каморку, хозяин снова затворил ее – уже изнутри. Очередь потеряла стройность, Борщова оттеснили.

– Куда прёсся?! – взвизгнула какая-то бабка из передних. Синий-пресиний алкаш со знакомым лицом (не вчерашний ли?) потрясал тремя пустыми бутылками и молча, неумело изображая глухонемого, лез к воротам. Не отставали и другие его соплеменники. Но женская часть не сдавалась. Ни полметра не отдавала территории. Разве что, Борщова, да еще двух-трех таких же оттерли.

– Мужчина, вы ведь только что подошли! – возмутилась одна из оттертых, хорошо одетая дама с маленькой сумочкой. Обращалась она к другому «ледоколу». – Я тоже с тремя бутылками!

Тот, к кому она обращалась, лез вперед с индифферентным лицом. Борщов, рядом с которым все это происходило, непроизвольно схватил его за воротник. Раздался треск гнилой материи, но молчаливый даже не обернулся. Сергей отпустил его, плюнув.

– Кошмар какой-то! – обратилась к Борщову дама.

Он пожал плечами, отвернулся. Хрен с ними, пусть лезут. Солидные люди с большими объемами посуды даже и не суетились. Десять минут меньше, десять минут больше – какая разница?

А дама не выдержала, ушла. Правильно, не надо браться не за свое дело. Думала, небось: забегу-ка я перед работой, посудку сдам...

К десяти тридцати Борщов уже поднялся с пивом на свой пятый этаж. С замиранием сердца он прислушался у двери. Вроде бы тихо. Осторожно открыл квартиру. Сумки из коридора исчезли. Стояла тишина.

Заглянув на кухню, он увидел записку на столе. Прочел:

«Марина! Мы поехали, спасибо за приют. Обязательно позвоню, когда доберемся до дома. Привет Сереге, Настене. Пока! Торопимся, чуть не проспали.

P.S. Привет от Александра».

«Привет Сереге...» – перечитал Борщов, и сердце запрыгало в груди. Сереге. Он так и представил ее немного грассирующую речь, грудной голос – как будто тот, из молодости...

Устало сев на табуретку, Борщов снова и снова вчитывался в эти два слова, вслушивался в звучащую в ушах эту фразу. Как будто мог обнаружить там еще что-нибудь недосказанное. Надо было плюнуть вчера на всё, да и объясниться!

Решительно убрав записку, Борщов встал и принес из коридора пиво.

«Вот так!», – подумал он, залпом осушив первую кружку, надкусив крабовую палочку (спасибо жене, закуску спрятать не удосужилась) и закурив.

– Вот так, – произнес он вслух. А что «вот так»?

...Наркоз проходил, начинается местная анестезия. О том, что будет, когда и она перестанет помогать, думать не хотелось.

Вот так. Вот так.

Теперь можно пойти, поваляться на диване, посмотреть телевизор, почитать газеты. «Спартак», опять же, играл вчера, как бы счет узнать?

Борщов никуда не пошел, а остался на кухне, тупо глядя на кружку.

Вот так.

И что этот «вот так» привязался? Ну, «вот так» остаются кандидаты наук за бортом не то, что внеземных, а и вполне земных цивилизаций.

А чем он, собственно, занимался в этой жизни? Школа, институт, три года аспирантуры, десять лет работы в Институте. Горы исписанной бумаги, что покоятся на антресолях – никому не нужны. Ни одной путной профессии. Ни денег, ни квартиры нормальной, ни гаража, ни машины, ни дачи. Ни-че-го! Даже на сберкнижке деньги не сгорели в гайдаровском пожаре. Нечему было гореть.

И тридцать пять лет за плечами.

Нет, конечно, он прожил бурный отрезок жизни. Одна диссертация чего стоила. Год труда, три года обхаживания начальственных задниц, богатый опыт в околонаучной политике. Если бы за это давали медали, он был бы при наградах. А если бы еще и платили... Но ведь не все такие, как он. Взять хоть Володченко или Кузнечевского. Один еще в восемьдесят восьмом году сжег партийный билет, ушел из лаборатории и открыл цех по пошиву трусов из парашютной ткани. Теперь торгует самолетами на бирже. Все-таки, аэрокосмическое образование. Другой бился два года над хозрасчетным сектором, нашел каких-то селян, плативших бешеные деньги за астробиологические прогнозы погоды (он их лично списывал с календаря народных примет шестьдесят четвертого года). Сейчас пшеницей торгует. С канадцами. А ведь оба его бывшие подчиненные.

Или Вязьмин из Четвертого Отдела – тот на свой страх и риск открыл научный кооператив, «пропускал» через свой расчетный счет левые договоры. Борщов и сам пользовался его услугами, да все как-то неуверенно, боялся, что за руку схватят. План-то тоже надо было делать, так что большую часть приходилось проводить легально. Теперь этот Вязьмин страховую компанию держит. Весь свой отдел трудоустроил. И офис у них же в Институте арендовал – да вывеску посolidнее институтской повесил на фасад. Он и Борщова звал год назад, но тот чего-то забоялся. В разгар ГКЧП перекрестился: удержал Боженька от неразумного поступка... Теперь уж Вязьмин не зовет. Ну и хрен с ним, всё равно всех их пересажаяют.

А Тютюрина-то! Его некогда правая рука, вечно третируемая мужем Тютюрина – вдруг наладилась появляться на работе с тяжелыми сумками и часами пропадать в женском туалете. Когда это было? Года три назад? Недавно он видел «свою» Тютюрину по телевизору в местной передаче: «У бизнеса не женское лицо?». Оттуда и узнал, что та владеет небольшим, процентов на пятнадцать, пакетом акций Южно-Уральской горнорудной компании. Вот тебе и Тютюрина...

В то время и надо было начинать. А сейчас девяносто второй год на дворе. Цены *освободили* (от нас) и все разрешили. Кто опоздал, тот не успел. Теперь хоть чем займись, кругом толпа таких же желающих. Даже бутылки не сдать толком.

Вот так.

Вот тебе и «вот так»!

***

Катя стояла и размышляла: не вернуться ли обратно в магазин, чтобы подарить Леське этот самый Образец, врученный ей столь любезно, а заодно – попрощаться на неопределенный срок. Впрочем, поразмыслив, решила, что пакетик ей и самой пригодится. Что она, как дура, разглядывала его на виду у всей улицы? И, правда, темнота.

Надо бы двигать отсюда, пока Леська не увидела ее через витрину, но что-то не пускало. И дождалась – потайная дверь магазина отворилась, правда, вышла из нее не Леська, а тот самый парень. В руках у него была все та же телевизорная коробка. Теперь Катя получше рассмотрела незнакомца. Высокого роста, одет он был в штормовку, широкие штаны, которые носят рыночные торговцы. Не по сезону без шапки. Густые кудри цвета беж торчали во все стороны. Парень, отдуваясь, дотащил коробку до парапета, возле которого стояла Катя, и поставил груз на землю. Закурил, высматривая кого-то вдоль по проспекту. На Катю он и не взглянул. Вид у него был мрачный.

Набравшись смелости, Катя спросила:

– Извините, вы здесь работаете?

– А? – встрепенулся кудрявый. – Что?

– Я спросила: вы здесь работаете?

– Работаю, – нахмурился парень. – Тут.

Они помолчали. Разговорчивостью он не отличался. Но уж коли она начала спрашивать...

– Извините, ради Бога, – продолжила Катя и кивнула на дверь магазина. – Мне, кажется, тоже предложили здесь место.

– Да?

Парень пожал плечами. Разговорчивый субъект. Но она решила идти до конца.

– Хотела спросить... Вы давно работаете?

– Где? У Евнухова, что ли? – вдруг живо переспросил кучерявый, словно только что увидел Катю.

– У Евнухова? – повторила за ним она. – Это – директор? Он – Евнухов?!

Катя невольно рассмеялась.

Парень вдруг тоже засмеялся, разом повеселев. У него были добрые глаза, вокруг которых лучились морщинки.

– Что вы хотели узнать-то? – отсмеялся он.

– Ой, я забыла... а, да – вы давно тут работаете?

– Четыре дня. И сегодняшнее утро.

– А... И как?

– Что – как?

– Ну, вообще...

– Это коммерческая тайна, – подмигнул он.

– А, понимаю! Ну, ладно, спасибо за содержательную беседу. Вы, наверное, торопитесь?

– Я-то? Да, нет... Вы почему спрашиваете, если не секрет?

– Я ж говорю, мне тоже предложили. Кажется, – она кивнула на коробку, – по схожей специальности.

– А... понятно, понятно! Я-то думаю, чего девушка добивается от меня? Если вы хотите получить квалифицированную консультацию, – важно проговорил он, – то мы можем поговорить. Только не здесь.

– О, Господи! А где же? – как бы ужаснулась Катя.

- Давайте зайдем в «Ласточку», – он кивнул в сторону кафе, расположенного неподалеку.
- Я с незнакомыми молодыми людьми по ресторанам не хожу...
- Какой же я незнакомый? Мы теперь коллеги. Да и это не ресторан. И зовут меня Игорь.

А вас?

- Катя.
- Чудесно. Так пошли?
- Ладно. Зайдем на минутку.
- За минутку вряд ли я вам все успею рассказать. Ну да ладно. Ой! – он схватил свою коробку, – Бросить бы, да совесть не позволяет. Ну, идем?

Через минуту они уже были в «Ласточке». Откуда ни возьмись, появился швейцар.

- Куда с коробкой?! – строго спросил он.
- Отец, я ее в гардеробе оставляю.
- Не надо мне никаких коробок! – возмутилась гардеробщица, принимая у них одежду.
- Почему? – удивился Игорь.
- Не надо! – подтвердила та отрицательным жестом. Гардеробщица, видимо, радовалась возможности хоть на кого-то выплеснуть свое дурное настроение.
- Уйдем тогда, Игорь? – предложила Катя.
- Ну да, сейчас! А почему нельзя тут поставить, в уголок? – спросил он швейцара.
- Не положено.
- Ясно. А почему в гардероб нельзя?
- Не принимаем, – ответила хозяйка.
- Ага. Ну, что ж, – Игорь поставил коробку в угол. – Пошли.

Он потянул Катю в зал.

- Ты что? – удивилась она.
- Посмотрим, что они будут делать.
- Он обернулся и подмигнул швейцару.
- Сейчас ведь выброшу на улицу! – предостерег швейцар.
- Игорь вдруг остановился, вздохнул, полез в карман.
- Проходи, Катя, я сейчас.

Дед смотрел напряженно. Рука его тоже натренированно потянулась к талии – к несуществующей кобуре.

Но дальше Кате досмотреть не дали – Игорь мягко втолкнул ее в зал и вернулся к швейцару.

И тут же, полминуты не прошло, присоединился к ней.

– С этой коробкой больше потратишься, чем заработаешь... – вздохнул он. – Даже в транспорте требуют платить как за багаж.

- Так ты... оставил ее?
- Договорился. Сейчас же кругом договорные отношения. Хозрасчет.
- А! Значит, просто *так* нельзя, а по договору – можно?
- Соображаешь!

Они прошли за свободный столик. Несмотря на ранний час, посетителей было немало. Играла негромкая музыка. Катя огляделась. Несколько компаний «качков» в фирменной своей одежде – турецкие джемпера, зеленые штаны и норковые шапки. Прямо на головах. Масса девиц. Несколько пьянчуг с красными лицами. Нормальных людей почти нет.

- Не нравится мне что-то... – поежилась Катя.
- Да брось, нормально. Я тут часто бываю. Сейчас публика не шалит, не то, что раньше, при Пятнистом.
- При ком? – удивилась Катя.

– Горбачеве. Михал Сергеиче. Да, когда водка по талонам была. Приличному человеку в ресторан было не зайти. Одни бандиты.

– А эти? – она показала глазами на «качков».

– Эти? Это уважаемая публика. Просто, у них вид такой. На рынке работают. Ну, рэкетом занимаются.

– Рэкетом?!

– Успокойся, здесь же они не на работе. Вполне приличные люди. Отдыхают. Им скоро на смену выходить. Это вечером они могут расслабиться, пошуметь.

– Что для вас, молодые люди? – подскочила опрятная официантка.

– Привет, Галочка! – поднял глаза Игорь.

– А, Игорь, здравствуй! Чего не заходишь?

– Да у вас тут цены, как у кооператоров.

– Сейчас везде цены одинаковые...

– Да, а сервис?

– А что сервис? – обиделась Галя, усажая девушка лет сорока. – У нас теперь прилично. Не стреляют. Меню дать?

– Не-а. Нам бутылочку шампуни. Креветок там, маслин. Кофе.

– Никак, разбогател?

– Бизнес веду.

– Молодец, молодец. Ну, ладно, несу.

– Слушай, Галя, а что у вас за козел новый появился, швейцаром? Дядя Ипполит-то где?

– Заболел. А этот новый, говорят, из органов. Говорят, стучит.

– А, ну верно... Куда им теперь-то, после путча?

– Да он ничего мужик. И за порядком следит. А вечером охрана. Чуть что, всех на улицу выкидывают.

– Классно! Ладно, мы голодные.

Игорь потер руки и, дождавшись, пока отойдет официантка, спросил:

– С чего начнем?

– Я – только кофе, – отозвалась Катя.

– Да я о лекции. С чего начнем консультацию?

– А хоть с чего.

– Так, – он кивнул. – Я понял, что вам предложили заняться *сетевым маркетингом*?

– Как это?

– Ну, берешь большую сетку и чапаешь на рынок. «Маркет» – по-английски, «рынок».

Я на инязе учился. Недолго, правда.

– Мне, вообще-то, завтра обещали рассказать, что и как... – робко проговорила Катя.

– Завтра? Дак я сегодня расскажу. Приходишь, приносишь с собой сто рублей...

– Пятьдесят...

– Ну да, ты меньше утацишь. Так вот, дадут тебе коробку разной фигни и понесешь ты все это продавать.

– Куда?!

– А куда глаза глядят. Он тебе, Евнухов, про изучение тенденций в мозги вливал?

– Ну... да... наверное.

– Вот-вот. Нужно будет все это хозяйство – рас-про-стра-нять.

– Как?

– Ну, как... – рассмеялся он. – Ты откуда упала? Идешь в какую-нибудь контору, проби-ваешься через вахтера и гонишь по кабинетам: «Здравствуйте! Вы имеете уникальную возможность приобрести эксклюзивный товар от канадско-японско-тайваньской фирмы! Посмотрите на эти прекрасные ножи! Они режут всё с легкостью гильотины и никогда не тупятся! Гаран-

тия – двести лет!!! Зачем столько? Оставьте внукам. Им двести лет не придется тратиться на ножи. Нет, извините, сто лет – ведь первые сто лет будете резать хлеб вы и ваши дети. Смешные цены, господа! Всего лишь две ваши месячные зарплаты. Но представьте себе, – всего два месяца без денег – и двести лет при ножах!»

– Серьезно? – невольно смеялась Катя, хотя это было и невесело. – А ты уже успел натаскаться!

– Или вот: «Господа (Товарищи)! Представляю вам совершенно уникальную вещь! Утюг с цифровым датчиком перегрева. Работает с пультом дистанционного управления. Вы просыпаетесь, нажимаете пульт, и пока умываетесь и завтракаете, утюг уже нагрелся...»

– Так проще его в розетку включить.

– А его и так надо в розетку включать и только потом уже пульт. А то, представляешь, утюг где-нибудь в куче белья окажется. Пожар. Нет, все предусмотрено.

– Ты шутишь?

Игорь сделал страшные глаза и перекрестился.

Между тем, Катя и не заметила, что уже пьет шампанское.

***

Тимофей Орликов и Загузин И. А. дружно пропивали аванс в счет расчета. Сердобольный Ермачов напоследок разжалобился и дал займы. «Все равно тебе теперь вовек не расплатиться», напутствовал он.

Рассчитать Тимофея обещали в течение недели. А потом через суд взыскать убытки от подписанного им по доверенности договора.

– А вот это – хрен им! – показывал Тимофей фигу Загузину И. А. – Я хоть контракт и подписал, но умышленного вреда им не доказать. Не надо было мне доверенность подписывать. Да и какие у них убытки... Хотя...

– А какие? – вскинул голову Загузин И. А.

– Ну, три десятых процента от суммы – неустойку. Да только, пока с них ее стребуют... Сейчас арбитражные суды на три года вперед делами завалены. А, вообще-то, сумма приличная.

– И какая?

– Ну, это надо считать.

– А если навскидку?

– Да какая разница? Все равно не мне платить. А если и платить, то с заплаты процентов десять. Если по суду. Лет на пятьдесят...

Загузин И. А. уважительно поднял глаза к потолку.

– Да пошли они! – сердился Тимофей. – Организую фирму, сам куплю место на бирже. Я теперь все ходы знаю.

– Мы поможем, – солидно кивнул собеседник.

Друзья согласно подняли рюмки, чокнулись.

– У меня тут, смотри, – продолжал Тимофей, доставая из кейса объемный ежедневник. – Все телефоны записаны. Весь товар: что, где, почем. Да я справочник могу издавать! Да я это все *здесь* держу (он сжал кулак)! Надо только фирму открыть. Кстати!

Тимофею попалась на глаза последняя запись в ежедневнике: план на сегодня. Что там?

1. Торги;

2. «Заря»;

3. Стоматолог;

4. Теннис;

- Л.;
- 6.194-88-13;
- 7.Петров;
- 8.«Технология» в 16—30;
- 9.зв. Лебедеву;

И это: «пчелиный яд... Георгий. Гост. „Турист“. 709».

Он глянул на часы. Все дела прошляпил! В восемь вечера из всего списка оставался только Георгий из гостиницы «Турист», обведенный кружком и перенесенный стрелочкой в начало списка. Остальное переносится, по крайней мере, на завтра, а то и навсегда. Особенно теннис.

- Что? – наострил уши Загузин И. А.
- Есть одно дельце.
- Ну?
- Едем! – Тимофей решительно закрыл кейс и подозвал официанта.
- Куда? – деловито спросил Загузин И. А., семена за Тимофеем к выходу.
- Спокойно! – махнул рукой Тимофей. – Бизнес делать.
- Это завсегда... – удовлетворенно кивнул политик.

На этот раз поехали на такси. То, как Тимофей швырял деньгами, импонировало майору; он уже несколько раз порывался начать с него сбор на нужды партии, но решил не торопиться.

Гостиница «Турист» стояла на краю города, возле леса. Видимо, и построена она была для заплутавших путников. Трудно представить, что тут могли останавливаться классические туристы-пенсионеры из загнивающих западных стран – в шортах, кепочках со значками и с фотоаппаратами на пузе.

Гостиничный ресторан гремел всюду – нравы здесь были свободнее, чем в «Центральной» – но друзья решительно миновали манящий стеклянный вход в него и оказались у стойки портье.

- Нам в 709-й, – важно проговорил Тимофей.
- К кому? – вяло поинтересовалась тетенька.
- К Георгию.
- Фамилия?
- Ой, девушка, а какая у него фамилия?
- Я-то откуда знаю?
- У вас в журнале должно быть записано.
- У меня-то записано, а вот вы к кому, я не знаю, – чуть не показала она им язык. Или почудилось?
- Женщина, – наклонился над стойкой Загузин И. А. и поманил её пальцем. Та презрительно откинулась на спинку стула. Загузин И. А. крикнул и достал красную книжечку. Забрав документ, она заглянула в него с подозрением и, вернув, процедила:
- Проходите.
- «Однако нам открываются все двери...» – подумалось Тимофею.

В 709-м на стук открыли не сразу; некоторое время раздавались звуки шагов, гортанные голоса, потом дверь широко распахнулась. На пороге комнаты стоял высокий, но чуть пониже Тимофея, южный человек в майке и спортивных штанах.

- Здравствуйте! Мне бы Георгия, – сказал Орликов.

– Заходи, брат, – отступил в сторону южанин.

Тимофей и Загузин И. А. осторожно переступили порог номера.

– Раздевайся, дарагой, – хозяин указал на вешалку в небольшой прихожей. Двухкомнатный номер был похож на офис «Берлоги», и Тимофей быстро сориентировался. Загузин же сразу скрылся в туалете.

Из большой комнаты доносился громкий говор и звяканье столовых приборов.

– Георгия пока нет, – сказал хозяин. – Но вы проходите, подождите.

Причесав реденькую свою шевелюру и дождавшись попутчика, Тимофей отправился вслед за южанином – в комнату.

Сразу несколько пар темно-карих глаз напряженно уставились в пришедших. Посреди комнаты стоял стол, за которым сидело четверо. Посреди стола царствовала огромная сковорода с яичницей, рядом – две бутылки водки и каравай хлеба. Перед каждым едоком имелась тарелка с куском яичницы и стакан.

Тимофей оробел.

– Садитесь, гости, как раз к ужину, – тот, что открыл дверь, поставил еще два стула, согнав между делом одного сидельца на кровать. – Гогия, стаканы давай, да?

И добавил еще несколько фраз на незнакомом языке, вроде не английском.

Загузин, уже не на шутку протрезвевший, повеселел.

– Значит, к нам на Урал приехали? – спросил он, усаживаясь. – В гости или по делам?

– И в гости, и по делам, – размеренным голосом отозвался господин постарше остальных. Он один был одет в цивильное, остальные коротали вечер в майках и трико с лампасами. – За знакомство!

Он поднял стакан, другие повторили его жест, как по команде. Было налито и гостям. Тимофей аккуратно постучался посудой с каждым. Народ, вроде, смотрел миролюбиво, хоть и серьезные были, по всему, люди.

Закуски им тоже положили. Два ломтя яичницы были круто заправлены чем-то красным. Выпив и неосторожно засунув в рот большой кусок еды, Тимофей чуть не подпрыгнул. Вспыхнувший во рту пожар мгновенно отбил вкус водки. Из глаз потекло, и он жадно схватил случившийся перед ним чайник, налил в стакан нечто оранжевое.

– «Фанта» – подсказал один из сотрапезников.

– Ух! – только и произнес Тимофей, залив пожар.

Народ заулыбался.

Загузин И. А., видя такое дело, занюхал корочкой хлеба.

– Георгий-то когда подойдет? – сиплым голосом спросил Тимофей.

– Скоро. Минута на минуту, – ответил за всех Старший. – А вы по какому делу? Можете говорить – здесь все свои.

– Мне дали его адрес и телефон. Позвонить днем я не смог, закрутился. Я от Павла Решетова.

– А, Павэл, да, – кивнул головой Старший. – Это наш друг. Почему сам нэ пришел?

– Он... Просил передать привет.

– Гогия, наливай, – дал команду тот, что открыл им дверь.

Появилась третья бутылка.

Загузин ерзал на стуле и, не выдержав, вступил в разговор:

– Ну, что, как у вас при капитализме? Не жалеете о Союзе?

Все снова заулыбались.

– У нас ничего не изменилось. Это в России капитализм наступил.

– Ну да, ну да! – обрадовался Загузин, – Я знаю, у вас и при советской власти никакой советской власти не было. А как Шеварднадзе?

– Спасибо, здоров.

- Что там Гамсахурдия?
- Тоже нормално. А что? Мы – люди бизнеса, нам все равно. Мы – интернационал.

Помолчали.

- Так вы по кобальту работаете? – обратился Старший к Тимофею.
- Вообще-то нет, а что, нужен кобальт?
- Да, вагон купим.

Тимофей достал ежедневник, черкнул размашисто: «Кобальт, 1 вагон».

- Цена? – поинтересовался он.
- Лондонская биржа минус пять процентов.
- О! А почему на Комбинате не берете? Там ниже лондонской...

Старший риторически пожал плечами. Взять что-то на заводах без связей было невозможно. А брать взятки у чужих заводчане еще побаивались.

- Ладно, у меня там есть человек... – молвил Орликов.

Никакого человека у Тимофея не было, но он надеялся, что будет.

- А вообще-то я по вопросу пчелиного яда и желчного камня, – добавил Тимофей.
- Это Георгий, да. Он хозяин. Я – по металлам.
- Металлы – это тоже наше, – важно сказал Тимофей. – Есть вагон арматуры. Два.
- Цена?
- Договоримся. Можно брать алюминий, медь... Лонжероны! – вспомнил он.
- Есть, есть, – закивал Старший и полез в карман за визиткой. – Лонжерон нада...

Тимофей тоже достал три визитки и раздал хозяевам – Старшему, тому, что открывал им дверь, и Гогии, который разливал водку. Не отстал от Орликова и Загузин И. А. Своими визитными карточками тот тоже одарил присутствующих, причем каждого.

Не успели поднять по второму стакану, как раздался стук в дверь.

Открыватель дверей скрылся в прихожей. И через некоторое время вернулся:

- Георгий.

Тимофей привстал.

В комнату вошел до боли знакомый южанин в дорогом двубортном костюме, со слегка помятым галстуком и лицом. За спиной его стояли две кожаных куртки.

«Будут бить?» – предположил Тимофей.

***

Тем временем Леонид Алексеевич любовно читал собственноручно раскрашенный Боевой Листок. Двадцать экземпляров удалось растиражировать на директорском ксероксе. Аппарат был старенький, практически довоенный, копии вышли скверные, слепенькие и размазанные – пришлось кое-что усилить фломастером. Четверть листка занимал портрет Кандидата в Депутаты – И.А.Загузина. Майор притащил фотографию пятнадцатилетней давности и никак не соглашался заменить ее на более позднюю.

«Это же обман избирателей!» – попытался урезонить его словесник.

«Я в душе такой!» – упорствовал военрук, – «Видел, какие портреты подсовывают избирателям конкуренты? То-то же!»

Правда, после ксерокса фото вышло такое, что Загузину можно было еще и лет десять накинуть – ввалившиеся щеки, впалые глаза, трехдневная щетина. Майор был запечатлен в чине младшего лейтенанта, и пришлось редактировать погоны. Ксерокс же выдал и вовсе

генеральские. Колонтитул листовки означал: «Пролетарии и бизнесмены – соединяйтесь!», а более мелкими буквами: «Орган печати избирательного штаба».

Название Листку дали звонкое – «Выбери меня!» Стоит ли говорить, что придумал название сам Кандидат? Сообща решили присвоить Боевому Листку номер один и поставить дату выхода. Так больше походит на газету, о которой грезил Загузин. Да и Леонид Алексеевич. Он давно хотел бросить школу и взяться за газетное дело, но там денег надо было...

Далее шла передовица:

«Товарищи и господа России! Наступает новая эра жизни нашей Родины-матери. Мы, пролетарии и крестьяне, служащие и военные, начальники и подчиненные, работники и работодатели – все мы становимся свободными людьми. Но для кого эта свобода окажется Свободой, а для кого – новым игом, покажет время, и будет зависеть от позиции каждого.

Процесс этот не есть процесс управляемый. Во все времена переменами во всех странах руководили самые инициативные, энергичные, талантливые люди. Или, наоборот, проходимцы.

От Вашей воли зависит, кто будет помогать Вам войти в новую эру России.

Выбирайте с УМОМ.

Ваш Кандидат Иван Загузин».

Напечатанные крупным шрифтом строки эти броско соседствовали с портретом. Ниже шла биография кандидата, написанная знакомым прапорщиком из военкомата. Вообще, биография вышла слишком уж убогой: школа, военное училище, служба в войсках, работа в школе. Пришлось расцветить ее некоторыми деталями, а именно: участие в субботниках, художественной самодеятельности и профсоюзной работе. Биография чем-то походила на характеристику с места службы (чем, собственно и являлась), но больше ничего о себе интересного майор не сообщил (намекая на секретность). «Люди устали от вранья конкурентов. Скромнее надо быть», – успокоил он редакционный совет.

Долго спорили, что поместить на оставшейся трети Листка. Леонид Алексеевич предлагал какое-нибудь бодрое стихотворение со смыслом или картинку. Но одна картинка уже была, а стихов подходящих не нашли, разве что из Роберта Рождественского. Кто знает, какие поэты теперь отражают чаяния масс? Не дошли руки у руководства страны до поэтов.

Напечатать какие-нибудь новости – на манер газетных? Как-то не к месту. Учительница химии предложила опубликовать прогноз погоды и втиснуть какой-нибудь кулинарный рецепт. Но, не приведи Господь, с прогнозом ошибутся, потом виноват будет Загузин, то же самое и с кулинарным рецептом. Оравится кто, а кому отвечать?

Сам майор настаивал на собственноручном анализе положения в России, но редколлегия его урезонила, мол, для первого раза политики хватит.

Выручил Степаныч, предложив нарисовать кроссворд. Листок бесплатный (пока), а кроссворды люди любят, не пропустят, а заодно и с кандидатом в паузах познакомятся.

«Я бы вообще программы депутатов помещал на винных этикетках», – мечтательно сказал Степаныч.

Загузин умную мысль сразу занес в блокнотик.

В старой подшивке «Пионерской правды» нашли кроссворд. Ответы хотели дать, как водится, в перевернутом виде, но Степаныч замахал руками: дескать, вы что, люди теперь следующего номера будут дожидаться, чтобы проверить.

Тему развили и решили со следующего номера печатать детективный роман с продолжением. Одного какого-нибудь Конан Дойла хватит на год. Вот уж народ будет гоняться за продолжением. А кто-нибудь, по привычке, подшивку заведет. А если найти автора местного, малоиз-

вестного, Илюшина какого-нибудь, да с байками про суперагентов ЦРУ-КГБ, так тот еще через нашу газетку в люди выйдет... «И любовные романы можно», – робко предложила химичка.

«Порнографии нам еще не хватало...» – осерчал Загузин.

«А что, потянет, если с картинками», – не согласился с ним сторож.

Больше места на листочке не оставалось. Разве что понизу пустили: «Голосуй, а он не подкачает!», и все.

Макетом хозяин остался доволен, только жалел о маленьком формате. На какую-нибудь газетенку нужны были средства, а предстояло еще много других расходов. Одни представительские чего стоили.

На свой компьютер их секретарша директора не пустила, пришлось печатать текст на старой машинке Леонида Алексеевича и подклеивать на свободное место. Так что обошлись малыми силами.

В дверь кабинета литературы робко постучали. В щель просунулась вихрастая голова ученика выпускного класса Владимира Ухина.

– Вызывали? – пробасил он.

– Заходи, Вова, – вздохнул Леонид Алексеевич.

Вова, потупив глаза, вошел.

– Что же ты, милый? – спросил учитель.

– А че я?

– Не знаешь?

– Чё? – пробасил ученик.

– Маяковского не любишь.

– Люблю.

– А какой стих больше всего?

– Ну, это: «Люблю грозу в начале мая...»

– А, это там, где: «...Как шибанет из-под сарая»?

– Ну... да. Почти.

– Владимир, у тебя по литературе твердая двойка. Сам понимаешь, до конца года не исправить. Придется оставаться на второй год.

– Не-е, мне надо в институт поступать...

– В институт?! – подскочил словесник. – В какой?

– Не знаю. Куда батя устроит.

– Вот как? – задумался Леонид Алексеевич. – А зачем тебе, Володя, в институт?

– Ну, как... В армию шоб не забрали.

– Угу, угу. А по другим предметам как у тебя?

– Ну... так.

– Лучше или хуже?

– Да, похуже чуть-чуть.

– Похуже?!?

– Ну... не знаю.

– И по химии двойка?

– И по химии, – повеселел Ухин.

– Ну, брат, ты много можешь пользы принести.

– Это могу... Чё надо если, то я бате скажу.

– А кто твой отец?

– Он теперь рыбой торгует, а раньше в тюрьме сидел. Сейчас, правда, в таможню устраивается.

«Бред какой-то», – подумал Леонид Алексеевич.

– Так надо как-то исправлять твою двойку? – спросил он, подумав. – Или, может, не надо? Вова только вздохнул.

– Что-то ты робкий какой-то? А на уроках прыткий, разве что в голос не материшься.

– Батя сказал, если в школу вызовут, *на счетчик поставит*.

– Как это?

– За каждый вызов сотня баксов – и заставляет отрабатывать после уроков. Рыбой на базаре торговать за бесплатно. Только на недовесе и заработаешь. Или на складе бочки ворочать. Он крутой... Решил из меня человека сделать.

– Ладно, Владимир. Я тебе с литературой могу помочь, а, заодно, и с химией.

– Вы и химию преподаете?

– Нет. Впрочем, это неважно. По двум предметам мы тебя... подтянем.

– Мне заниматься после школы некогда. У меня бизнес.

– Какой бизнес?

– Да так, по мелочи.

– Интересно...

– А... там... Бомбим помаленьку.

– Чего?!

– Ну, мелкий рэкет. Лотошников охраняем.

– Бомбим, охраняем – так что именно?

– А это одно и то же.

– Ну, ладно, – вытер испарину педагог. – Ты вот что, вот тебе десять листов газеты. Пойди, расклей-ка её в людных местах. Да не сильно приклеивай, чтоб можно было оторвать – там кроссворд. У остановок, на подъездах. Ну, разберешься.

Ухин принял кипу листочков.

– А чё это? – взглянул он мельком. – Ох, ты, круто! Военрук, вроде, наш? Милиция, что ли, его разыскивает?

В дверь постучали. Появилась новая голова, лысого десятиклассника Кулькова.

– Ладно, Вова, дома почитаешь, мне некогда, тут еще один фрукт.

– Вызывали? – спросил дискантом Кульков.

ГЛАВА 1.6

Устав бороться с безысходностью, Борщов уснул и удачно проспал до обеда.

«А в Институте сейчас макароны дают...», – подумал он, взглянув на часы. Половина второго. Пива осталась всего кружечка. Хоть и потеплевшее, выдохшееся, оно утолило жажду и прояснило мозги. Теперь он мог считать себя человеком.

Рубикон перейден, нужно начинать новую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.